

MILHMIT MUNNISAS PNALINAAI RASRHA N

Историческая хроника Ю.Бородкина посвящена важнейшей странице нашей истории началу образования Московской Руси, когда после длительной усобицы между потомками Дмитрия Донского центр политической и религиозной жизни переместился из южной Руси в северную. Итогом этой борьбы явилось единодержавие. позволявшее успешно противостоять любым нашествиям.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1389 году скончался Дмитрий Донской, когда ему было всего 39 лет. Ещё не окрепшая для дальнейшей успешной борьбы на два фронта (с Ордой и Литвой) Московская Русь осталась без сильной княжеской руки.

Народная любовь к этому великому князю, герою Куликовской битвы, победителю Мамая, выражена в житийном сказании о его подвигах, выдержанном в превосходных степенях, как принято в этом жанре. Таковы и портретные черты: «Бяше крепок и мжествен, и телом велик, и широк, и плечист, и чреват вельми, и тяжек собою зело, брадою ж и власы чёрн, взором же дивен зело».

Летописи прославляют князей-победителей. Исторические романы и хроники, как правило, посвящены выдающимся государям и полководцам с их подвигами, заслугами, добродетелями. Герой таких сочинений безупречен, все его деяния, даже жестокость и коварство в борьбе за власть, находят у авторов оправдание, дескать, во имя благой цели. Одним словом, получается нечто похожее на жития святых.

Однако бывают периоды, чаще - по смерти великих государей, когда положительный герой отсутствует, когда нет места подвигам, а всё сосредоточено на интригах княжеских усобиц. Таким было время княжения Василия Тёмного, ознаменовавшееся длительной борьбой галицких князей за великокняжеский стол. Свои права на него сначала заявил дядя московского князя Юрий Дмитриевич, затем его сыновья, Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Младший Юрьевич, Дмитрий Красный, предпочитал оставаться сдержанным по отношению к великому князю Василию, во всяком случае стоял несколько в стороне. Эта борьба между двоюродными братьями была полна драматизма, дошла до полного ожесточения, превосходящего драматизм шекспировских трагедий.

Вторая четверть XV века – один из узловых моментов истории нашего Отечества, несмотря на то, что княжение Василия Тёмного не отмечено большими ратными успехами, не в пример его великому деду, Дмитрию Донскому. Однако, по словам одного видного политика, путь к успеху – это движение от неудачи к неудаче. Именно в это время тяжёлых исторических испытаний закладывались основы единодержавного Московского государства, ибо уже при сыне Василия Тёмного Иване III Москва удивила соседей своим могуществом.

Тот, кто читает книгу, как бы живёт рядом с автором и его героями, обогащая себя не только личным опытом; читающий историю своего Отечества раздвигает границы познания в глубь веков, чувствует себя причастником деяний предков, не всегда славных, но поучительных, видимо, неизбежных в тех обстоятельствах. Необходимо знать, через какие жернова истории прошёл наш народ.

По этому поводу Н.М.Карамзин дал определение на все времена, относимое и к нашей современности: «Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали ещё ужаснейшие, и Государство не разрушалось...»

Мой интерес к Галичу обусловлен тем, что этот край – историческая родина моих предков, живших здесь и в далёкие времена, о которых пойдёт речь. Мне хотелось вникнуть в драматические события, касающиеся Галича, осмыслить их и коротко изложить в предлагаемой хронике.

Единением и любовью спасёмся. Завет Сергия Радонежского

НАЧАЛО И ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ

«Предпринимая говорить о России, не должно ли начать Москвою, а говоря о Москве, не надлежит ли прежде всего сказать о Кремле, сем палладиуме славы и величия Царства Русскаго?» Эти слова принадлежат П.П.Свиньину¹, писателю, историку, путешественнику, основателю и редактору журнала «Отечественные записки», они сказаны в начале XIX века, в момент величия России после разгрома наполеоновских полчищ. Мы знаем, не сразу Москва строилась. Чтобы вписаться в исторический контекст, вернёмся к истокам Московского княжества, вокруг которого развивались основные события, предшествовавшие великой усобице при внуках Дмитрия Донского.

«Приди ко мне, брате, в Москов», - такое приглашение своему союзнику князю новгородсеверскому Святославу послал великий князь ростовский Юрий Долгорукий, хотя надо отметить, что местом своего пребывания, по неизвестным причинам, он избрал Суздаль. Встреча состоялась в 1147 году, в гости к Долгорукому Святослав приехал вместе со своим сыном Олегом (еха к нему с детятем своим Олгом и мале дружине). Пять дней пировали князья с дружинниками на славу, «обед был силён»². Происходило это на окраине Ростовского княжества, во владениях ростовского боярина Степана Кучки, где, видимо, Юрий имел резиденцию. В.Ключевский предполагал, что здесь великий князь останавливался во время поездок в Киев. Попутно заметим, что Юрий даже породнился со Степаном Кучкой, женив на его красавице дочери сына Андрея (Боголюбского).

Странно и непонятно, за какую провинность Долгорукий велел умертвить своего свата. Впоследствии роковым образом братья Кучковичи составили заговор против Андрея. Боголюбский по-родственному благоволил братьям Кучковичам, но за какое-то злодеяние казнил одного из них. В результате составился заговор мести. Этому способствовало самовластие Андрея во всех северных областях, кроме новгородской.

Место, где располагалась княжеская резиденция, приглянулось Юрию Долгорукому, и за год до смерти, в 1156 году, он обнёс его деревянной изгородью, то есть заложил город. Кто мог знать, что Москве суждено будет сыграть главную роль в судьбе Российского государства?

Захудалый городок долгое время передавался из рук в руки в наследство самым младшим сыновьям князей, не имевшим никакой политической перспективы (они не могли претендовать на великокняжеский престол), пока Москва не получила в 1263 году постоянного князя, младшего сына Александра Невского Даниила. Он-то и положил начало Московскому Кремлю, срубив в 1300 году сосновый бор на холме у слияния речки Неглинной с Москвой-рекой, а его сын Иван Калита воздвиг вокруг этого места крепкие дубовые стены.

Во второй половине XVII века появилась «Повесть о начале царствующего града Москвы», в которой основание Москвы приписывалось великому князю владимирскому Андрею Александровичу, сыну Александра Невского, который якобы, отомстив за убиение его брата Даниила Кучковичами, разорил красные сёла боярина Стефана Кучки и заложил на полюбившемся месте град Москву. Сказание это не соответствует исторической реальности.

Здесь уместно коротко сказать о длительном соперничестве Твери и Москвы. Казалось бы, что мог противопоставить малый новый городок против сильного княжества Тверского? Но Даниловичи действовали настойчиво, не брезгуя средствами. Юрий московский, сумевший войти в доверие к хану

Узбеку и женившийся на его сестре, получил ярлык на великое княжение, а затем оговором погубил своего соперника в Орде и сам пал от руки тверского Дмитрия, отомстившего за отца.

Дмитрий был также казнён в Орде. Великим князем тверским стал его брат Александр, судьба которого оказалась столь же печальной. При нём тверичи, не стерпев насилия татар, перебили весь их отряд. Александр Михайлович был вынужден бежать в Псков, затем – в Литву. Однако

позднее он поехал в Орду, где был казнён вместе со своим сыном Фёдором. Тверь потерпела поражение, несмотря на то, что позиция её князей, пытавшихся поднять Русь на борьбу с поработителями, была прямодушней и благородней: желание в то время всеобщей покорности неисполнимое. Тихое оружие Калиты – лесть, подкуп, оговор – оказалось сильней.

Историки объясняют прозвище князя его прижимистостью, умением скапливать богатства, кои уместно сравнивать с большим кошелём – калитой.

Сознавая свою слабость перед ордынскими завоевателями. «крепкий хозяйственник» Иван Калита свёл дружбу с ханом, действовал хитростью, подкупом, задабривал хана (царя) и его приближённых подарками. Известно, что Калита ездил в Орду десять раз. Те же средства задабривания ханского окружения использовал сын Ивана Калиты Симеон Гордый, совершивший несколько «дружественных» поездок в Орду, хотя для других князей это было небезопасно: можно было и не вернуться домой, Вспомним, как Ярослав Всеволодович скончался на долгом пути от Великого хана, находившегося на Амуре, как там же два года вынужденно находились его сыновья Александр и Андрей (Невский пять раз ездил в Орду и тоже скончался на возвратном пути оттуда). Ещё печальней была участь

Великий князь Дмитрий Иоаннович (Дмитрий Донской)

тверских князей Михаила и Александра, вовсе казнённых там.

Но Иван Калита сумел подольститься к хану Узбеку, стать его любимчиком. При этом он не гнушался коварства по отношению к соседним княжествам ради своих московских выгод. По его оговору хан казнил в Орде тверского великого князя Александра Михайловича, после чего Калита навёл на Тверь татарское войско и окончательно разорил сильного соперника. В результате по-

лучил в 1328 году ярлык на великое княжение, право собирать дань с других уделов и отправлять её в Орду. Разумеется, немалая часть дани оседала в безразмерном кошеле князя Ивана, не случайно он смог купить сразу три города: Углич, Галич и Белозерск. Потакая Ивану Калите, хан Узбек не предполагал опасного усиления Москвы. Летописец отметил очень важный результат Ивановой политики: «...бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на сорок лет и пересташа татарове воевати землю Русскую». Заслуга ог-

ромная. В связи с этим В.О.Ключевский сделал интересный вывод о том, что в «спокойные годы успели народиться и вырасти целых два поколения..., не знавшие ужаса отцов и дедов перед татарами: они и вышли на Куликово поле».

П.П.Свиньин добавляет другой оттенок в происхождение прозвища Калита. Отец его Даниил срубил сосновый бор (память о нём сохранилась в названии Боровицкие ворота) на месте нынешнего Кремля, а Иван Данилович «заложил церковь Спаса Преображения, в 1330 году Мая 10 дня, на том месте. где. по преданию. стояла, в чаще бора, низенькая бедная хижина отшельника Букала (вероятно, Вукала). Здесь князь, набожный и милостивый к бедным, устроил обитель, беседовал с другом своим архимандритом Иоанном,

угощал нищих, наделял их деньгами из большого кошеля, называемого калитою, отчего и сам получил прозвище Калиты – знаменитое в потомстве». Выходит, набожность Калиты не мешала ему использовать негодные средства ради достижения своих целей, и, как оказалось, стратегически верных.

Историки видят одной из причин возвышения Москвы её выгодное географическое расположение в междуречье Оки и Волги, которое было

освоено славянами прежде всего и густо населено, но к этому надо добавить предприимчивость, прижимистость, скопидомство и вероломство её первых князей, надеявшихся не на наследственные приобретения, а только на собственные возможности, не брезговавших использовать даже коварные способы ради собственных выгод, и касается это прежде всего Ивана Калиты. Однако история оправдала его, потому что результатом стало постепенное собирание Русского государства вокруг Москвы. Достойно внимания то, что

Великий князь Василий Васильевич (Василий Тёмный)

уже при внуке его она становится военно-политическим центром северо-восточной Руси, и когда великий князь московский Дмитрий Иванович разослал послания по всем городам с призывом сообща выступить против Мамая. князья владимирские, суздальские, ростовские, ярославские, переславские и другие в единодушном патриотическом порыве незамедлительно привели свои полки в Московский Кремль. А ведь казалось невероятным объединить северную Русь на решительную битву с Ордой после стольких лет рабского повиновения завоевателям, когда люди даже не помышляли о сопротивлении, а лишь приспосабливались к жестоким условиям существования и спасались бегством в леса при набегах степных хищников. Событие

удивительное в условиях тогдашней удельной раздробленности Руси, позволившее Донскому смело поднять победный меч на угнетателей.

А после великой победы над полчищами Мамая объединительный авторитет Москвы и её князя убедительно возрос и утвердился окончательно.

ГАЛИЧ

Теперь скажем о древнем Галиче, в котором, наряду с Москвой, происходили основные события второй четверти XV века. Галич Мерьский, находящийся далеко от Москвы и не проявлявший себя активной деятельностью своих князей, длительное время не привлекал к себе внимания летописцев. Нет событий, нет и упоминаний о них.

Первое сообщение о древнем городе сохранилось в связи с нашествием Батыя в 1238 году: «Татарове поплениши Володимерь и пойдоша на великого князя Георгия, окаянии ти кровопицы, и ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городец, и ти плениша все по Волзе даже и до Галича Мерьского...»

Между тем В.Н.Татищев свидетельствовал о том, что он встречал упоминание Галича в связи с событиями ещё середины XII века, но летописи эти сгорели. Разумеется, мерянские поселения на берегу обширного озера, богатого рыбой, существовали с незапамятных времён. На северной окраине Галича находилась Поклонная гора, где язычники поклонялись главному божеству Яриле до тех пор, когда приняли крещение в водах своего озера. «Воспоминание сего события празднуют 24 июня; горожане, мужчины и женщины, собираются гулять по берегу и кататься по озеру с песнями и веселием, оканчивая третий день гуляния обливанием друг друга водою и купанием в струях чистого озера, - пишет П.П.Свиньин. – На противоположном берегу Галицкого озера возвышается конусом гора, известная под названием Туровской. Нет сомнения, что имя сиё уцелело от первобытных народов, имевших на вершине сего исполинского кургана языческую кумирню». Здесь был найден большой глиняный сосуд, наполненный медными и серебряными вещицами, представлявшими «изображения змей, мышей, гребни и тому подобные символические подвески, коими доселе шаманы обременяют свои облачения». Впоследствии в этом месте находилась летняя резиденция галицких князей, куда они выезжали на отдых, занимаясь охотой, рыбной ловлей и прочим досугом. Здесь располагалось большое село Туровское, в котором якобы было девять церквей. Название села напоминает древнерусский город Туров и Туровское княжество (от имени основателя, варяжского князя Тура) на реке Припяти, упоминаемые в летописях. Ныне Туров - посёлок в Белоруссии. Возможно, галичские названия селения и горы взялись оттуда.

Примечательно, что в Галиче длительное время

сохранялся, как свидетельствовал П.П.Свиньин, какой-то древний галицкий язык, называемый елманским, возможно, в чём-то заимствованный от мерячей.

Город славянского имени был построен по примеру Галича Волынского вездесущим Юрием Долгоруким, основавшим, как было сказано, и Москву, и ряд других городов северной Руси.

Монгольские завоеватели опустошили и разорили край, пожгли галичские посады и слободы, но, по мнению В.Н.Татищева, не смогли сломить сопротивление защитников крепости. Ему вторит знаток галичской старины и сам галичанин П.П.Свиньин: «Галич, подобно Новугороду, не преклонился перед свирепым Батыем... И не обстоятельства, не чудо отвели от него хищных Монголов, а храбрость Галицкого князя Дмитрия Константиновича, который пылал нетерпением отомстить за кровь брата своего Василия Ростовского, падшего с мечом в руках при реке Сити».

Город скоро отстроился заново и стал одним из самых значительных на Руси (превосходил Москву и Кострому), не случайно великий князь Ярослав Всеволодович завещал его среднему сыну Константину, а Москву и Кострому – младшим сыновьям. Галич являлся богатым городом, доходы ему приносила торговля рыбой, пушниной, солью (уже при Дмитрии Донском существовали соляные варницы), при удельных князьях здесь умели выплавлять из болотных руд железо и даже чеканили свою серебряную монету.

Таким образом, брат Александра Невского Константин Ярославич стал первым удельным галичским князем, династия которого продолжалась 117 лет, но не отмечена какими-то значительными политическими и военными событиями, поскольку Галич на протяжении этого времени оставался в стороне от них, пользуясь своей отдалённостью. Позднее, когда начинает богатеть Московское княжество, внук Александра Невского Иван Калита, «примысливший» многие земли, купил и Галич. Наследовали Константину его сын Давид, внук Иван, правнук Дмитрий.

Последний галицкий князь этой династии Дмитрий (вместе с Дмитрием суздальским) предпринял попытку избавиться от московской зависимости, однако был лишён своего удела в 1363 году Дмитрием московским, ещё не Донским, принявшим московский стол двенадцатилетним отроком. По странному совпадению, и сын, и внук наследовали ему также малолетними, чем объясняются трудности их начального княжения.

Прежние понятия о преемственности власти рушились, теперь всё решалось на суде ханском

в Орде и зависело от дипломатических способностей бояр того или иного князя. С помощью Совета бояр юному Дмитрию удалось утвердиться на великом княжении, а затем вести борьбу со своими сильными соперниками: Дмитрием суздальским, Михаилом тверским, Олегом рязанским и великими князьями литовскими Ольгердом и Витовтом. Давно ли дед его поклонами, лестью и богатыми подношениями искал расположения царя Ордынского, а внук уже поднял на него победный меч, каким-то чудом сумев сплотить вокруг себя северную Русь.

Впереди московского Дмитрия Ивановича ждала великая слава победителя полчищ Мамая. «Приняв власть от Бога, с Богом возвеличил землю Русскую, которая во дни его княжения воскипела славою; был для отечества стеной и твердию, а для врагов огнём и мечом... Имел ум высокий, сердце смиренное, взор красный, душу чистую: мало говорил, разумел много, когда же говорил, философам заграждал уста...» – высокопарно говорит неизвестный автор похвального слова Дмитрию Донскому³.

Особой, драматической, страницей русской истории оказалась последняя династия галицких князей: Юрия Дмитриевича и его сыновей, о чём и продолжим рассказ.

ОТ ОТЦА – К СЫНУ

о кончине Донского в 1389 году (единственный брат его Иван умер ранее) великое княжество Московское завещается на старший путь сыну Василию. Ему завещается великое княжество Владимирское с Костромой и Переяславлем и третья часть (жребий) Москвы, из двух жребиев, коими владел великий князь (третий принадлежал брату Донского Андрею Ивановичу). Вторая Дмитриева треть поделена между остальными сыновьями. Города распределены следующим образом: Коломна – Василию, Звенигород – Юрию, Можайск – Андрею, Дмитров – Петру. Кроме того, Юрий получил Галич, Андрей – Белозеро, Пётр – Углич. «А сына своего благославляю князя Юрья своего деда куплею, Галичем со всеми волостями и с сёлы и со всеми пошлинами», – сказано в завещании Дмитрия Донского. Таким образом, второй сын, Юрий Дмитриевич, получает Звенигород и Галич.

Уже здесь возникает тревожная ситуация, когда завещание входит в противоречие со старым порядком, предполагавшим передачу власти по старшинству в роде, а не обязательно сыну князя.

Таким претендентом на великокняжеский московский стол являлся двоюродный брат Дмитрия Донского, князь Владимир Андреевич Храбрый. Этот герой Куликовской битвы, внук Калиты, названный так же Донским, как и великий князь Дмитрий, посчитал себя оскорблённым и демонстративно удалился в свой Серпухов, а затем далее - в Торжок: между Василием Дмитриевичем и Владимиром Андреевичем бысть размирие, продолжавшееся полгода. «Тоя же зимы по Крещении князь Василий Дмитриевич взя мир и любовь з дядею своим Володимером Андреевичем». - сообщает В.Н.Татищев. Переговоры с московскими боярами закончились подписанием мирной грамоты, по которой он не стал оспаривать право 11-летнего Василия, когда тот «был возведён на престол во Владимире Послом царским Шахматом (русские князья были вынуждены признавать царями ханов Большой орды. – Ю.Б.). Таким образом, достоинство Великокняжеское сделалось наследием Владетелей Московских». Карамзин добавляет про Владимира Андреевича: «Он был первым дядею, служившим племяннику».

Заметим, что Владимир ещё долгое время почитался как стольный град северной Руси, о чём даже в 1612 году в грамотах Пожарского и церковных деятелей писалось: «На Владимирское и Московское государство не избирать царём иноземца...»

По малолетству великого князя Василия вся реальная власть была сосредоточена в Совете бояр, хотя семибоярщина не лучший способ управления государством. Однако ближние бояре, заинтересованные в несменяемости великокняжеского окружения, действуя именем Василия, старались к пользе Московского государства. Продолжая политику своих предшественников, Василий отправляется к хану с богатыми дарами и получает грамоту на владение Нижним Новгородом и Муромом, расширив таким образом свои владения.

Во времена княжения Василия Дмитриевича, к пользе Москвы, разгорелась борьба между самими монголами, между грозным Тамерланом и Тохтамышем. Над Русью нависла страшная опасность: свирепый завоеватель Тамерлан, разгромив Тохтамыша, двинулся в сторону Москвы.

По совету бояр Василий, подобно своему отцу, возглавил войско, вышедшее навстречу, в рязанскую землю. Битва не состоялась, Русь чудом избавилась от опустошения, может быть, более губительного, нежели Батыево. Тамерлан неожиданно повернул в степи, вероятно потому, что началась дождливая осень. Отступление Тамерлана

от Москвы приписывалось действию иконы Богородицы, срочно привезённой из Владимира в Москву. Икону Владимирской Богоматери почитали все великие князья, потому что перед ней во Владимире (позднее – и в Москве) происходило их торжественное посажение на трон. По преданию, она являлась работой евангелиста Луки, писавшего Марию с натуры. Бесценную реликвию привёз из Киева Андрей Боголюбский, решивший основать столицу северной Руси во Владимире. Духовной значимости иконы Владимирской Божьей Матери соответствовало и её украшение, составлявшее (если верить летописям) пятнадцать фунтов золота и драгоценных камней.

После ухода Тамерлана в большинстве татарских улусов утвердилась власть Тохтамыша, который овладел и столицей, батыевым Сараем⁴. Владычество этого разорителя Москвы продолжалось недолго: верховную власть захватил внезапным нападением другой хан, Кутлук. Следует сказать, что Орду в это время раздирала кровопролитная междоусобица, ещё более ужасная, нежели российская: переворот следовал за переворотом, так что некоторые ханы выходили из подчинения главному и совершали самостоятельные набеги на Русь и Литву.

Однако могущество Орды не было сломлено: в 1399 году монголы под водительством победителя Тохтамыша, Тимура Кутлука, и старого многоопытного Едигея наголову разбили великого князя литовского Александра Витовта, уверенного в своей победе. Он отверг мир, предлагаемый Кутлуком, кичливо заявив: «Будь моим сыном и данником, иначе станешь рабом». Не помогли ни пушки, ни пищали, которыми умел пользоваться храбрый Витовт, едва спасшийся бегством. Татары преследовали литовцев до Киева и едва не дошли до Вильны. Это была едва ли не самая кровопролитная битва того времени.

Московская дипломатия и на сей раз извлекла свою выгоду от этого противостояния. Витовт рассчитывал на помощь зятя, а Василий Дмитриевич, желая ослабления сильных, одинаково опасных соседей, сумел уклониться от союзничества с грозным великим князем литовским. Осторожность оправданная. Мог ли Василий быть уверенным, что, разгромив союзно монголов, он избавится от ига Орды? Безусловно, степь снова собрала бы свои силы и жестоко отомстила бы русским.

Примечательно, что московское войско предприняло самостоятельный и весьма успешный трёхмесячный поход в глубь Казанской Болгарии. Никогда ещё полки российские не ходили столь далеко в

Ханские владения. Василия Дмитриевича стали называть завоевателем Болгарии, хотя справедливей это отнести к его брату, ибо возглавлял поход Юрий Дмитриевич, князь звенигородский и галичский, который станет одним из главных действующих лиц в следующих главах.

А вскоре старый хан Едигей⁵ двинулся на Москву. Не готовый к схватке Василий Дмитриевич вместе с семьей удалился в Кострому, как это делал в своё время его отец Дмитрий Донской. Московский Кремль устоял, а посады, многие города и волости подверглись разорению.

Надо иметь в виду стесненные обстоятельства Московского великого княжества, существовавшего только в пределах северо-восточных уделов: значительная часть русских земель находилась под властью Литвы, вплоть до Орла, Тулы и Калуги. Эти обширные, более густонаселённые территории именовались русской Литвой.

Разумеется, в своё время боярский Совет дальновидно присоветовал Василию жениться на Софье, дочери славного Витовта, когда он ещё не был великим князем литовским. Об этой истории, имевшей важные последствия для северной Руси, следует сказать поподробней.

Своего юного сына Василия Дмитрий Донской вынужден был отдать в заложники хану, где Василий находился три года и сумел бежать почемуто в Молдавию. Ещё непонятней было его возвращение в Россию через Пруссию, где в то время находился в изгнании Александр Витовт, якобы отпустивший Василия с условием, что он женится на его дочери.

Такова версия Никоновской летописи. Вероятно, всё так и происходило, поскольку на московском престоле ещё находился прославившийся во всей Европе Дмитрий Донской, породниться с которым было честью для многих вельмож и правителей. Остаётся фактом, что в намеченный срок (в 1386 году) московское посольство прибыло в Пруссию к Витовту за невестой и с большими почестями доставило Софью через Псков и Новгород в Москву. Бракосочетание семнадцатилетнего Василия Дмитриевича с Софьей Витовтовной явилось ключевым моментом во взаимоотношениях Московской Руси с Литвой. Впоследствии это обезопасило Россию на многие годы от нападений со стороны Литвы, к тому же могущественному, едва не коронованному литовскому государю Бог даровал долгий век.

Известно, что Витовт, получивший великое княжение от двоюродного брата, короля польского Ягайла Ольгердовича, под его влиянием перешёл из православной веры в католическую. Вероятно, этим

объясняется его терпимое отношение к православию на подвластной ему русской территории. Н.Карамзин сообщает: «В наших летописях сказано, что он прежде крестился в Веру греческую, а после сделался католиком». Католичество Витовт принял от немцев, когда находился у них, изгнанный Ягайлом.

Тем не менее воинственный честолюбивый Витовт беспокоил западные области российские: ходил на Псков, взял стратегически важный Смоленск. Дело всё же уладили миром после того, как Василий вместе с Софьей гостил у тестя в Смоленске и тот пообещал не тревожить Московские владения. Попытка ответных действий со стороны великого князя московского также закончилась стоянием на реке Угре без кровопролития.

А ещё у Василия Дмитриевича были беспокойства с Новгородом, покорить который у Москвы не было достаточно сил. Здесь мы снова встречаем имя галичского князя Юрия Дмитриевича, брата великого князя. Он возглавлял войско вместе с дядей Владимиром Храбрым в походе на Новгород. Малоуспешной была борьба за северо-восточные новгородские волости, простиравшиеся до Устюга.

Из событий, имевших место при Василии, отметим кончину духовного заступника земли Русской преподобного Сергия Радонежского в 1392 году. «Месяца сентября в 25 день преставись преподобный игумен Сергий Радонежский, тихий, кроткий и смиренный, жив всех лет от рождения своего 68, и положен в монастыре, созданном от него», – сказано у В.Н.Татищева.

Примечательно, что в 1397 году Василий Дмитриевич написал Судную грамоту к двинским жителям, которая напоминает свод гражданских законов «Русской правды» Ярослава Мудрого.

Василий Дмитриевич оказал значительную поддержку единоверному императору византийскому Мануилу, теснимому турками, посылал ему богатые дары. Желая укрепить дружбу с великим князем московским, этот монарх женил своего сына Иоанна на дочери Василия Дмитриевича. Вспомним, что Владимир Красное Солнышко скрепил свою связь с Константинополем брачным союзом с византийской царевной Анной, а Василий Дмитриевич выдал дочь (тоже Анну) за Иоанна Палеолога, вскоре ставшего последним императором Византии.

Княжение Василия Дмитриевича было долгим (1389 – 1425), прошло в борениях с державами более сильными и, казалось бы, не достигло видимых успехов, но имело благодаря умелой дипломатии пользу приуготовлением грядущих по-

бед. «Смелость оправдывается только успехом; безвременная, неудачная губит Державы – и часто благодарность отечества принадлежит тому, кто без крайности не дерзал на опасность и не искал имени Великого», – считал Н.М.Карамзин.

К сожалению, освобождение Руси от иноземной зависимости затормозилось из-за длительной междоусобицы в жестокой борьбе за Московский престол, последовавшей после смерти великого князя в 1425 году, среди общего уныния и слёз по причине многих бедствий, обрушившихся на Россию: язва, трёхлетний голод, суровые зимы косили людей, как перед концом света.

И в столь тяжкое время бразды правления Московским великим княжеством предстояло принять десятилетнему Василию Васильевичу. Это право ему суждено было отстаивать длительной братоубийственной борьбой и дорогой ценой.

БРАТЕ МОЛОДШИЙ, ЦЕЛУЙ КО МНЕ КРЕСТ!

1

Великий князь Василий Дмитриевич оставил завещание, подобное завещанию Дмитрия Донского: «...А сына своего, князя Василья, благословляю своею вотчиною Великим Княжением, чем мя благословил мой отец... А сына своего, князя Василья, благословляю своими примыслы, новым городом Нижним со всем, да своим же примыслом Муромом со всем...»

Это завещание не по старине, а по новому наследственному порядку, от отца к сыну, на сей раз послужило яблоком раздора между малолетним Василием Васильевичем (Василием вторым) и его близкими родственниками князьями галицкими. Любопытно, что Дмитрий Донской и его сын получили великое княжество Владимирское и Московское одиннадцатилетними отроками, Василий Васильевич – десятилетним. Мы видели, что в первых двух случаях родственные претензии прекратились скоро, а теперь следствием оказались события самые трагические.

Начавшиеся при Василии Дмитриевиче природные несгодья продолжились и в начале княжения младшего Василия, омрачённого свирепствовавшей в русской земле язвой, унесшей тысячи жизней. Не только простые люди, но и князья не могли уберечься от неё: в Москве умерли дядя великого князя Пётр Дмитриевич и три сына Владимира Храброго. После этого век человеческий на Руси сократился и сами люди сделались слабее.

Вот как сказано об этом в летописи: «В лето 6934 (1426 г.) преставися вел.кн. Иван Михайлович тверский, и сяде на его место сын его, Александр, и вскоре преставися; и сяде на его место сын его кн. Юрьи Александр; и сидел 4 недели и преставися; и сяде брат его Борис Александрович... Тоё же осени преставися князь Андрей Володимер. и кн. Ярослав Володимер. В той же мор преставися (в 1427 г.) кн. Василей Володимер... И после того мору... люди малочеловечнии и худи и щедушнии начаша бытии».

А ещё случилась страшная засуха 1430 года, когда всё вокруг горело и способствовало голоду. Н.Карамзин назвал это время печальнейшей эпохой нашей истории в XV веке.

К счастью Василия, его матерью была Софья Витовтовна, что обещало, как прежде, покровительство сильного великого князя литовского. Предполагая притязания родственников на великокняжеский престол и желая обезопасить своего сына от этих посягательств. Василий Дмитриевич в том же завещании поручает его с матерью покровительству великого князя литовского Витовта, что оправдано, потому что они ему – внук и дочь. Мог ли Витовт чинить им какой-то вред или выступать против них? Деятельная и предприимчивая великая княгиня, зная о претензиях Юрия Дмитриевича на престол великокняжеский, в ту же ночь созвала князей, бояр и других сановников и утвердила их крестным целованием еже быть им неотступным от её сына. И в последующем опытная Софья Витовтовна, сыгравшая значительную роль в становлении Московской Руси, оставалась наставницей и соправительницей сына, проявляя решительность характера.

Дядя малолетнего Василия Васильевича галицкий князь Юрий Дмитриевич сразу отказался признать его великим князем и даже не приехал в Москву из Звенигорода, чтобы выполнить это требование митрополита Фотия, более того, тотчас отправился в Галич, где можно было чувствовать себя безопасней. Юрий Дмитриевич претендовал на великое княжение по завещанию отца, Дмитрия Донского, и по старому обычаю получать наследство по старшинству, от брата к брату.

У Донского было одиннадцать детей. Старший, Даниил, умер в один год с отцом. Если не считать трёх дочерей, по мужской линии Юрий становился законным наследником после Василия, но теперь продолжал утверждаться новый порядок от отца к сыну.

Юрий Дмитриевич разгневан случившимся, его самолюбие ущемлено, у него возникают планы борьбы за великое княжение, ибо, без сомнения,

он является законным претендентом на него. Нет, нельзя подчиниться десятилетнему племяннику! Что смыслит в делах государственных ребёнок? Пришлось смирять честолюбие и гордость, когда на златом столе Московском находился старший брат, но теперь-то этот престол принадлежит ему по праву. Юрий ещё не знает, что борьба эта станет жестокой, что она продолжится и при его сыновьях на протяжении четверти века, что она замедлит развитие и укрепление Московской Руси, начатое отцом.

Долог зимний путь до Галича, пожалуй, пятьсот вёрст, через Ярославль и Кострому, и чем дальше, тем гуще нескончаемые леса: то ли спасение, то ли изгнание ждёт его за ними. Было отчего кручиниться, пылать негодованием в своём унижении: он, муж, почтенный возрастом, принуждаем к уступке несмышленому отроку, именем которого будут править пронырливые бояре. Не бывать этому! Надо укрыться на время в Галиче, собраться с мыслью, прикинуть, кого можно позвать в союзники. Не получится взять власть силой. придётся искать справедливости у хана.

Юрий отправляет гневное письмо севшему на великокняжеский стол Василию и спешит собрать войско. Надо сказать, Галичское княжество было весьма обширным. Василий в договорной грамоте с Юрием Дмитриевичем говорит: «...также что тя пожаловал отец мой, князь великий Василий Дмитриевич, Вяткою с слободами и со всеми месты...» Вятка и прежде была для Москвы удалённым и самостоятельным краем, жившим по обычаям, близким к новгородским вольностям. Галич имел пошлины от рыбной ловли и торговли солью (соль галицкая), здесь умели выплавлять очажным способом железо.

Великий князь (вернее, ближние бояре) тоже, не теряя времени, двинул войско к Костроме, но Юрий Дмитриевич уклонился от прямого столкновения, ушёл к Нижнему Новгороду и взял его, а затем – за реку Суру. Московскую рать возглавлял его брат Константин, который, якобы сославшись на непреодолимость реки, вернулся в Москву. По другим летописям, не Константин, а Андрей можайский ходил в погоню за Юрием Дмитриевичем, что, может быть, более вероятно.

После этого Василий по совету матери послал в Галич митрополита Фотия с намерением склонить дядю к миру. Митрополит Киевский и всея Руси, грек по происхождению, с 1410 года находился в Москве, много способствовал примирению Литвы с Московским великим княжеством, прекращению междоусобий.

На пути Фотий останавливался в Ярославле,

ужинал у князя Ивана Васильевича, но на другой день не стал слушать обедню по просьбе ярославских князей, спеша в Галич.

Как пишет Карамзин, при подъезде к Галичу митрополит быв встречен за городом всем княжеским семейством, с изумлением увидел там множество собранного из разных волостей народа. Юрий думал похвалиться бесчисленностью своих людей и густыми толпами их усыпал всю гору при въезде в Галич с московской стороны, но митрополит, отгадав его мысль, с насмешкою дал ему чувствовать, что крестьяне не воины, а сермяги не латы. То же самое находим у С.М.Соловьёва.

У Татищева этот эпизод выглядит несколько иначе: Фотий произносит насмешливое замечание, выйдя после молебна из Преображенского собора: сыне, князь Юрий, не видах столько народа во овчих шерстях. Возникают сомнения. Вопервых, народ мог собраться и на горе, и на площади без всяких указаний князя, из простого любопытства, поскольку приезд митрополита в отдаленный Галич — событие. Во-вторых, Фотий прибыл с важной дипломатической миссией, уместно ли ему подначивать князя насмешливыми замечаниями? В-третьих, сермяжная одежда была естественной для тогдашних простых людей, а овчьи шерсти совсем непонятны: дело происходило летом.

Дальше – больше. Летопись рассказывает о том, что *именно* в день отъезда митрополита, раздражённого несговорчивостью Юрия Дмитриевича, не хотевшего признавать вечного мира с племянником, в Галиче случился мор, что князь в испуге поскакал верхом за Фотием, стал умолять его со слезами возвратиться. Якобы Фотий вернулся, отслужил молебен, и мор прекратился, а Юрий Дмитриевич согласился решить вопрос о великом княжении не силой, а на суде у хана. Здесь явно видна тенденциозность летописца в пользу победившей стороны: галицкий князь унижен, мор возникает и исчезает как по мановению волшебной палочки.

У Татищева странного эпизода с догонкой Фотия, со слезами Юрия нет, что логично: могли договориться искать справедливости у хана без надуманных сюжетов.

После переговоров с Фотием Юрий Дмитриевич всё же согласился на то, чтобы искать великого княжения московского на суде ханском, а до той поры признавал себя *братем молодшим* своего племянника.

2

Истощённая разными невзгодьями северная Русь могла стать добычей воинственного литовского князя Витовта, но внук и дочь, находившиеся на великом московском княжении, являлись препятствием для исполнения таковых замыслов. Вынужденный такими обстоятельствами мир не удерживал Витовта от враждебных действий против Пскова и Новгорода, имевших самостоятельность по отношению к Москве.

В 1426 году многочисленное войско литовского великого князя осадило псковский город Опочки. Защитники применили хитрость, подпилив опоры моста перед городскими воротами, в результате чего многие литовцы рухнули вместе с мостом в ров. Мужественная решимость защищающихся остановила Витовта, и, подойдя к Пскову, он взял с псковитян только окуп серебром.

Примечательно, что, когда он осадил Опочки, Василий направил к нему посла со словами: «Чего ради ты тако чинишь через докончани (нарушаешь договор. – Ю.Б.)? Где было тебе бытии со мною заедин, и ты мою отчину воюешь и пусту творишь». (В.Татищев). Между тем псковичи пришли к Витовту с тремя тысячами рублей, он же, послушав внука своего, взял от них только одну тысячу и отступил от осаждённого города.

Через два года Витовт решил наказать новгородцев, которые нанесли ему оскорбление, назвав изменником и бражником. Новгородцы позволяли себе такую дерзость в надежде на непроходимые леса и болота, но войско литовское преодолело все хляби, устилая путь срубленными деревьями. Витовт, умевший использовать пушки, сумел и их доставить к стенам города Порхова; в том числе была привезена на сорока лошадях огромная пушка Галка, изготовленная немецким мастером. Судьба этого монстра была короткой: первым же выстрелом сразив крепостную башню, пушка разорвалась. При этом погибло много литовцев, в том числе и сам немецкий мастер.

Богатые новгородцы чаще всего откупались от неприятелей деньгами и на сей раз отправили на переговоры к литовскому князю архиепископа Евфимия. Витовт и здесь предпочёл не губить своих воинов, удовольствовался огромным окупом в десять тысяч серебряных рублей: по мнению Н.Карамзина, это составляло не менее 55 пудов серебра.

После этих походов с целью наживы Витовт обязался не тревожить псковские и новгородские земли и даже пригласил внука к себе в гости. Соп-

ровождал юного Василия митрополит Фотий. Приглашение было не простое не только в связи с 80-летием Витовта, но прежде всего ради гордой цели почтенного старца стать королём. В осуществление этой мечты Витовт предварительно устроил встречу с императором Сигизмундом в Луцке, где условились, что в означенный день великий князь литовский примет от посланника императора венец короля Литовского.

Торжество состоялось в Троках, куда прибыли король польский Ягайло, великий магистр Прусский, послы императора греческого, многие князья и вельможи со своими свитами. Пир, каких Европа до сих пор не знала, длился якобы семь недель. Ради своей честолюбивой цели Витовт изумлял гостей небывалой щедростью, надеясь тут же получить из рук посланника римского императора королевский венец. Приводятся фантастические сведения о том, что при столь продолжительном пиршестве ежедневно забивалось 700 быков, 1400 баранов, 100 зубров и подавалось 700 бочек мёду. Явная легенда, сочинённая летописцем в оправдание притязаний Витовта на королевский титул. Корыстное расточительство оказалось напрасным: намерениям великого князя литовского воспротивились польские епископы и вельможи, склонившие к тому же и Папу Римского.

Пировали в августе 1430 года, а в октябре разболевшийся Витовт скончался от душевного огорчения, став жертвой гордыни и честолюбия. Фотий, остававшийся в Вильне долее других гостей, узнал об этой вести, ещё не доехав до Москвы, в Новгороде.

3

очему-то перемирие между Юрием Дмитриевичем и племянником длилось почти шесть лет, и это имело невыгодные последствия для Юрия. Вероятно, соперники надеялись решить спор своими средствами, дожидаясь удобного момента. Надо учесть и то обстоятельство, что в 1428 году Галич выдержал месячную осаду казанцев: устояла лишь крепость, а край был разорён. Может быть, Орда была занята своими внутренними распрями (ханы часто сменяли друг друга) или успешно работала дипломатия великого князя. В летописи сказано: «Тоё же зимы (1431) князь Юрьи разверже мир». У В.Татищева несколько по-иному: «Тоё же зимы князь Юрий Дмитриевич разверже мир с великим князем Василием Васильевичем, братничем своим». Почему Василий назван братничем? Потому что в мирных договорных грамотах подчиняющийся князь, несмотря на лета, признавал великого князя своим старшим братом. В грамоте 1428 года племянник и дядя поклялись жить мирно, и, в частности, написано: «На сем, брате молодший, князь Юрьи Дмитриевич, целуй ко мне крест...» Безусловно, для дяди такое подчинение было унизительным.

С.М.Соловьев объясняет разрыв договора со стороны Юрия тем, что в 1430 году умер могущественный Витовт, который по завещанию Василия Дмитриевича продолжал покровительствовать и его сыну, являвшемуся внуком Витовту. Ещё раз отметим заслугу Василия первого в том. что Витовт, государь-долгожитель, не притеснял Москву. Карамзин почтительно говорит о нём: «Сей Князь, тогда славнейший из Государей северной Европы, был для нашего отечества ужаснее Гедемина и Ольгерда, своими завоеваниями стеснив пределы России на Юге и Западе: в теле малом вмещал душу великую: умел пользоваться случаем и временем, повелевать народом и князьями, награждать и наказывать; обогащая казну войною и торговлею, собирая несметное множество серебра, золота, расточал оные щедро, но всегда с пользою для себя... С ним, по словам польского историка, воссияла и затмилась слава народа литовского, к счастью России...» Его преемником стал свояк Юрия. Свидригайло, и, пользуясь благоприятной переменой, Юрий Дмитриевич отказывается от мира с племянником.

В конце лета 1431 года, спершися о великом княжении Московском, оба поехали в Орду, на опасный суд ханский: достаточно было вспомнить, что непокорные князья тверские, Михаил и его сын Александр, были казнены в Орде по ханскому произволу, что нередко русских князей годами держали в неволе, а иные вовсе не смогли вернуться на родину. Ехали за тем, чтобы отдать себя в руки неверных, упасть к ногам варвара.

Оба не могли верить в свой успех и в справедливость ханского суда, унизительного в особенности для Юрия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, опасного для Орды тем, что мог продолжить освободительное дело отца. В то же время и войны между собой хотели избежать дядя с племянником.

Примечательно, что московская делегация выехала в Орду гораздо раньше (15 августа, отстояв молебен в день Успения Богородицы) и остановилась в улусе своего доброжелателя Мин-Булата. Туда же приехал и Юрий Дмитриевич,

выехавший лишь 8 сентября, после литургии на Рождество Богородицы. От этого Мин-Булата, отмечает Татищев, «великому же князю Василию Васильевичу честь бе велика..., а князю Юрью Дмитриевичу бесчестие и истома велика».

Получилось так, что влиятельный мурза Тегин, обещавший поддержку Юрию, почему-то увёз его на целую зиму в Крым (может быть, умышленно?). Этого времени оказалось предостаточно, чтобы бояре Василия склонили в его пользу князей татарских, а те, одаренные подарками, – хана Махмета, который лично судил искателей стола московского и решил оставить его за юным Василием.

Делегацию Василия возглавлял хитромудрый. льстивый Иван Дмитриевич Всеволожский, стоявший в челе московского боярства, то есть бывший первым советником князя. За него и говорил этот велеречивый вельможа, оказавшийся умелым дипломатом. Ещё до суда боярин Иван Всеволожский припугнул татарских мурз. дескать, смотрите, что с вами будет, если в Москве сядет Юрий Дмитриевич, в Литве государем его свояк Свидригайло, а здесь, в Орде, усилится Тегиня. А хану боярин Иван подольстил такими словами: «Ваш, Государь, улусник великий князь Василий Васильевич исчет своего стола великого княжения по твоему ханскому жалованию, а господин наш князь Юрий Дмитриевич, дядя его, хочет взять великое княжение по мёртвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованию...» В.Н.Татищев.

Надо принять в рассуждение и то, что юный великий князь московский казался менее опасным для Орды, нежели умудрённый жизненным опытом Юрий Дмитриевич. На памяти татар было их поражение на Куликовом поле, а сын Донского мог продолжить успех отца. Желая унизить его, хан хотел заставить дядю вести в поводьях коня племянника: у Василия хватило великодушия отказаться от такой чести. Суд решился к удовольствию племянника, вернувшегося в Москву в сопровождении отряда татар, где ханский посланник возвёл его на великокняжеский престол. Доселе подобное торжество производилось во Владимире, который теперь лишь формально стоял впереди в титуле великих князей московских: столицей Руси становилась Москва.

А дядя получил всего лишь Дмитров, оставшийся после смерти его брата Петра в 1428 году. Слабое утешение. Здесь, в опасной близости от Москвы, Юрий Дмитриевич задержался ненадолго и снова удалился в Галич, повторив долгий путь, ещё более удручающий, чем первый, когда

он уезжал из Звенигорода. Василий поспешно овладел Дмитровом, посадив здесь своего наместника.

Можно только догадываться, какая досада, какой гнев теснились в груди Юрия Дмитриевича после такого унижения: стыд, чувство мести, бессилие против тупой ханской воли, желание или погибнуть, или восторжествовать над своим племянником. Унижение и в том, что приходится соперничать с юнцом: не хватало только вести за уздечку коня под ним! Каково шестидесятилетнему мужу признать себя младшим братом этого малолетка!

Надежда на ханский суд не оправдалась, целую зиму томился в ожидании его, находясь в Крыму, как в плену, и всё – впустую, значит, остаётся решить дело силой: если сам не пойдёшь к Москве, то московские полки окажутся под Галичем. Надо готовиться, не зря он укреплял город, строил крепость на высокой горе.

4

Скоро обстановка изменилась к выгоде Юрия: кто бы мог подумать, что влиятельный боярин Иван Всеволожский, ревностно служивший Василию, оказавший ему неоценимую услугу своей дипломатией перед ханом, в самом скором времени переметнётся на его сторону? Дело в том, что Василий Васильевич обещал жениться на его дочери, но не сдержал слова, потому что мать великого князя не одобрила такой брак (опять мы видим сильное влияние на Василия его матери).

Женитьба сына больше всех заботила великую княгиню Софью. Она бдительно опекала Василия, находясь в постоянном переживании за его судьбу и за свою собственную: почти полвека она является великой княгиней московской, не представляет другой жизни и не допустит, чтобы сын утратил власть. Надо ещё до свадьбы торжественно посадить Василия на великокняжеский трон, и сделать это надо в Москве, а не во Владимире, чтобы все прониклись почтением к великому князю московскому, к его власти, дарованной от Бога, законной и неприкосновенной. Мудрый владыка Иона знает, как совершить пышный обряд вручения Василию скипетра и державы.

Боярин Иван Дмитриевич постарался заполучить ханский ярлык для Василия, но имел при этом дерзкую корысть: вздумал выдать дочь Настеньку за великого князя. Ишь, как обмозговал, хитрая лиса! И прежде-то был первым среди бояр, а как породнится-то с Василием, что станет!

Всех приберёт к рукам. Напротив, теперь, когда главное дело сделано, надо как-то избавляться от его влияния, а Василию утверждаться в своей государевой самостоятельности.

И Софья Витовтовна, имевшая свой выбор невесты для Василия, стала настойчиво уговаривать его свататься к сестре серпуховского князя Василия Ярославича Марии, внучке знаменитого Владимира Андреевича Храброго. Конечно, князья нередко роднились с боярами, но здесь особый случай: женится великий князь. Оскорблённый боярин отъехал от великого князя (что разрешалось по условиям старины) сначала в Углич⁶ и через некоторое время отправился к Юрию Дмитриевичу в Галич. И тот и другой горели желанием отомстить великому князю.

И вообще, события борьбы между Василием Тёмным и галицкими князьями полны самых неожиданных поворотов, самых драматических сюжетов, поражающих воображение своей реальностью. Слава богу, что это была последняя подобная схватка на Руси, которая более терзала себя усобицами, нежели страдала от иноземного ига.

Предприимчивый Иван Дмитриевич принёс Юрию свои извинения за противодействие ему в Орде, стал склонять его к решительным действиям. Уговаривать долго не пришлось, потому что союз с влиятельным боярином, знавшим всю обстановку при дворе великого князя, значительно усиливал позиции Юрия Дмитриевича.

Тут же представился предлог для возобновления войны. Сыновья Юрия Дмитриевича Василий и Дмитрий Шемяка гуляли на свадьбе великого князя, где разгорелась ссора из-за богато украшенного золотом пояса, который был на Василии Косом. Пояс этот, подаренный Дмитрию Донскому тестем Дмитрием Константиновичем суздальским как приданое за дочерью Евдокией, во время свадьбы был подменён на менее ценный тысяцким Василием Вельяминовым, которому поручено было собирать подарки. Злополучный пояс много раз переходил от владельца к владельцу, в том числе побывал и у боярина Ивана Дмитриевича, который подарил его Василию Косому, когда выдавал за него внучку.

На беду, во время свадьбы один из старых бояр рассказал о похождениях драгоценного подарка Донскому возмущённой Софье Витовтовне, и здесь проявившей свою решительность. Она принародно сняла с князя Василия Косого пояс, признав его принадлежащим её семье. Оскорблённые Юрьевичи тотчас покинули свадьбу, и «...разлобиша, с Москвы идоша, ко отцу своему в

Галич, и пограбиша град Ярославль, и казны всех князей пограбиша» (В.Татищев).

Эта ссора ещё более подогрела наступательный дух князей галичских. События разворачивались стремительно: свадьба состоялась в феврале 1433 года, а уже в конце апреля сильное войско Юрия Дмитриевича, неожиданно для Совета бояр Василиевых, появилось у стен Троицкого монастыря. Как могла произойти такая неожиданность? Ведь войско Юрия шло через союзные Василию Кострому и Ярославль, на опасном направлении, безусловно, были выставлены сторожи, откуда могли примчать гонцы.

С Юрием были его сыновья. Василий прислал делегацию с просьбой мира, но о нём не хотели и слышать, особенно боярин Иван Всеволожский, пылавший мщением. Московские упрекали его в предательстве, потому что возникла громкая перепалка, бранились даже неподобными словами.

Встретились в двадцати верстах от Москвы. Великий князь смог выставить лишь небольшой отряд почему-то пьяных ратников: «пияпи бяху, а и с собою мёд везяху, чтобы питии ещё», — сказано у Татищева. Может быть, летописец постарался как-то оправдать неготовность к битве Василия против дяди, имевшего, как было сказано, опыт ратных походов.

Потерпевший полное поражение, Василий Васильевич вместе с семьей бежал привычным путём отцов и дедов в спасительную Кострому, где, как пишет П.Свиньин, на утёсе стоял Успенский собор, в древности нередко представлявший в ограде своей убежище для Великих Князей Московских при пагубных набегах на Россию хишных татар.

Юрий Дмитриевич занял стол великокняжеский и следом за беглецом явился в Кострому, чтобы пленить Василия, покорившегося на милость дяди. Достигнув своей цели, он допустил непозволительное в столь жестокой борьбе великодушие: послушался совета своего ближнего боярина Семёна Морозова помиловать племянника, дав ему в удел Коломну. С другой стороны, недовольный союзник Иван Всеволожский пытался отговорить Юрия от этого шага. «Боярин Иван, думая согласно с сыновьями галицкого князя, считал всякое снисхождение неблагоразумием», - пишет Карамзин. Юрьевичи, заинтересованные в наследовании отцу, были настроены решительно, готовые избавиться от соперника, но Юрий проявил милость к Василию, они даже дружески обнялись (родня все же), вместе пировали, и Василий с дарами и вместе со своим двором уехал в Коломну.

Что касается боярина Ивана Дмитриевича, судьба его оказалась печальной. По сведениям С.Соловьёва, он был схвачен Василием и ослеплён, сёла его были взяты в казну великокняжескую за его вину.

5

Вскоре обнаружилось, что совесть не лучший советчик в борьбе за великокняжескую власть. В самом деле, как можно было давать опальному племяннику близкую к Москве Коломну, если для того имелись места более удалённые?

Трудно взять власть, легко её утратить. Василий, едва утерев слёзы покорности перед дядей, начал призывать к себе князей, бояр и простой народ. Москвичи, признавая великим князем Василия, потянулись в Коломну, ставшую как бы столицей великого княжества. С.Соловьёв объясняет такую приверженность новому порядку наследования тем, что при передаче власти от отца к сыну не происходило перемен в окружении великого князя, тогда как бывший удельный князь (из старших по родству) окружал себя своими вельможами, менял весь порядок в Кремле.

Столица обезлюдела, Юрий пребывал в унынии, видя, сколь шатко его положение. Он понял свою ошибку и теперь укорял боярина Морозова за губительный совет. Его сыновья, Василий Косой и Дмитрий Шемяка, раздосадованные сим вельможей больше, чем отец, убили Морозова в дворцовых сенях со словами «ты погубил нашего отца» и удалились в Кострому.

Более совестливый Юрий Дмитриевич счёл благоразумным без сопротивления оставить великокняжеский стол, уступив его Василию, и вернуться в свой Галич, поскольку оставаться в безлюдной столице с малым числом сторонников было небезопасно. И опять – долгие вёрсты горестных раздумий после очередной неудачи: на этот раз не в зимнем возке, а в тряской летней повозке. Ещё недавно он вошёл в Москву победителем, всё было у него в руках, и – такой неожиданный и досадный провал, от которого щемит сердце и тошен белый свет.

Василий вступил в Москву в сопровождении толп народа, *с торжеством и славою им незаслуженною.*

Дядя с племянником вновь примирились. В договорной грамоте Юрий Дмитриевич признаёт Василия великим князем и старшим братом и говорит: «...А держати ми тебя, Великого князя, в старшинстве... а детей ми своих больших, Князя

Василья да Князя Дмитрея, не приимати и до своего живота, ни моему сыну меньшому; а тебе их тоже не приимати...» Конечно, этот разрыв с сыновьями из-за убийства любимого боярина был вынужденным при написании грамоты. Кроме того, Юрий Дмитриевич отказался от недавно полученного Дмитрова, но взамен получил Бежецкий Верх. Василий немедленно послал в Дмитров своего наместника.

Самолюбие Юрия Дмитриевича уязвлено настолько глубоко, что он не может заглушить своего гнева на племянника. Подумать только, пришлось признать себя младшим братом Василия! Собственной рукой поставить печать под унизительной проклятой грамотой и целовать крест в знак нерушимости договора! А что там сказано про сыновей? Мыслимое ли дело, не знаться с ними!

Впереди были испытания более жестокие. Вскоре, зимой 1434 года, Василий Васильевич, нарушив мир, выступил против двоюродных братьев и подошёл к Костроме, а Юрий поддержал сыновей, послав им на помощь свою дружину, в результате чего они разбили московскую рать. В отместку великий князь разорил и сжёг Галич, *«много зла сотвори земли той»*. И на этот раз крепость, где засели Василий Косой и Дмитрий Шемяка, устояла. Кроме того, Василий московский захватил Паисиев монастырь, увёз чтимую галичанами икону Овиновской Богоматери. Не напрасно ли великий князь устроил этот разор, ещё более ожесточив противников? Мало того, на обратном пути он почему-то «...прииде в Переслав и учини пакость велику» (Псковская летопись).

А Юрий Дмитриевич ушёл на Белоозеро и, снова объединившись со своими сыновьями и позвав вятичей, весной двинулся на Москву. Великий князь вместе с Иваном можайским (двоюродные) встретил его в Ростовской области, потерпел сокрушительное поражение и в страхе бросил столицу, бежал в Новгород, а Иван можайский – в Тверь, несмотря на то, что великий князь умолял не оставлять его в беде.

Союзником можайский оказался ненадёжным. Поскольку он являлся одним из главных действующих лиц этой хроники, мы встретимся с ним ещё не раз, а пока скажем коротко: Иван можайский, сын брата Дмитрия Донского Андрея. После поражения под Ростовом он оставил Василия Васильевича и явился к Юрию Дмитриевичу по его призыву, проявив малодушие, но там, где был его верх, являл другие качества. Известно, что он не просто казнил, а сжёг боярина Андрея Дмит-

риевича и его жену (в севернорусском летописном своде сказано, что сжёг только жену Марью). Он же, не вняв мольбам Василия Васильевича, позже пленил его у Троицы. Примечательно, что не только Василий Косой и Дмитрий Шемяка, но и Дмитрий Красный сражался в этой битве против великого князя.

Переменчивость положения объясняется ещё и тем, что у русских не было постоянного войска, оно собиралось при необходимости, при этом земледельцы были свободны от воинской повинности, а могли призываться посадские люди и ремесленники. В распрях между князьями многое решалось неожиданностью нападения, когда обороняющиеся не успевали собрать войско, имея в готовности только княжескую дружину. По этой же причине московские князья не успевали отразить стремительные набеги многочисленных татар и вынуждены были спасаться за Волгой, в Костроме.

Юрий вторично занял Москву, пленил мать и жену Василия, который в панике бежал сначала в Новгород, потом в Мологу, в Кострому, в Нижний, предполагая укрыться от преследования двоюродных братьев Юрьевичей в Орде. Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный уже находились во Владимире, готовые двинуться к Нижнему вдогонку за великим князем, и в этот безысходный для него момент Юрий Дмитриевич неожиданно скончался, когда ему было не более шестидесяти. Цель, к которой он долго и упорно стремился, достигнута, и вдруг - такой печальный исход. Возможно, и эта скоропостижная кончина, без видимых недомоганий, была не совсем естественной? У власти он находился около трёх месяцев, время достаточное, чтобы созрел план его устранения. Это останется тайной.

Интригующий момент. Как развивались бы события, если бы Юрий Дмитриевич утвердился в Москве хотя бы на несколько лет? В связи с этим Н.Карамзин высказался определённо: «Не имея ни ума проницательного, ни души твёрдой, он любил власть единственно по тщеславию, и без сомнения не возвысил бы Великокняжеского сана в народном уважении, если бы и мог удержаться на престоле Московском».

Суждение весьма категоричное и несправедливое. Мы видели, что Юрий Дмитриевич был в ратных делах гораздо способней племянника, не раз стоял в походах во главе войска и не случайно трижды выходил победителем в сражениях за великокняжеский Московский престол. Разве душевные и иные качества Василия были превосходней Юрьевых? Увы, скорее, наоборот.

Юрий Дмитриевич покровительствовал строительству храмов, в частности, много жертвовал на строительство каменного собора Рождества Богородицы в знаменитом Саввино-Сторожевском монастыре близ Звенигорода. Храм этот послужил прообразом Троицкого собора Сергиева монастыря, также построенного князем звенигородским и галицким. А в Галиче он построил не только новую крепость, но и перенёс туда (построил заново) Преображенский собор.

О многом говорит тот факт, что наставником и духовником князя Юрия был преподобный Савва, бывший также духовником жены Донского Евдокии и самого Сергия Радонежского, после которого шесть лет являлся игуменом Троицкой обители. Более того, крестным отцом князя Юрия был сам великий игумен земли Русской. Разве не могло это отразиться на душевных достоинствах князя Юрия? Не случайно сей благоверный князь не допускал расправы над людьми, был великодушен к своему сопернику.

Безусловно, по приглашению Юрия Дмитриевича преподобный Савва переселился в звенигородскую вотчину и основал здесь Саввино-Сторожевский монастырь, прообраз Нового Иерусалима, задуманного патриархом Никоном много лет спустя.

Во всяком случае, при некотором продлении правления Юрия Дмитриевича в Москве Русь могла избежать дальнейшей ужасной усобицы с ослеплениями и отравлениями князей; может быть, княжение Василия и закончилось бы на этом, и не вошёл бы он в историю как Василий Тёмный.

Но не было бы счастья, да несчастье (смерть Юрия) помогло Василию.

ВАСИЛИЙ КОСОЙ

Тотчас по смерти отца Василий Юрьевич объявил себя великим князем московским. Теперь братья, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, почему-то не признали его притязаний, сказав: «Если Богу неугодно, чтоб княжил отец наш, то тебя сами не хотим». Разрыв был окончательный, потому что больше старший не обращался за помощью к младшим, предпочитая действовать самостоятельно.

Имея свою корысть, братья отложились от него и послали в Нижний Новгород звать на великое княжение Василия Васильевича, хотя были отправлены отцом в погоню за ним. Более того, младшие сами выгнали своего старшего из сто-

лицы. Видимо, между братьями была какая-то серьёзная размолвка: только что все вместе с отцом ходили на Василия Васильевича, и вдруг такой поворот. Неужели отступничество от брата можно объяснить лишь тем, что Шемяка получил Углич и Ржеву, принадлежавшие прежде дяде его Константину, а Дмитрий Красный – Бежецкий Верх? К тому же Василий Тёмный совсем недавно разорил их Галич. Заметим, что вся дальнейшая междоусобица велась между двоюродными братьями, каковыми являлись Василий Васильевич, Василий Косой, Дмитрий Шемяка, Иван можайский и менее причастный к этой розни Дмитрий Красный.

Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный заключили с Василием московским мирный договор. В этой грамоте стороны высказывают обоюдное дружелюбие, Шемяка, как было заведено, называет Василия старшим братом, обязывается являться по призыву великого князя в случае войны.

Василий Косой потерял не только великое княжение, которое занимал всего один месяц, но и удел отца Звенигород, а покидая Москву, забрал с собой золото, серебро, казну и пушки, потому что обстоятельства вынуждали его бороться до конца, а там как Бог рассудит. Видимо, уходил без спешки, если увёз с собой пушки и снаряды к ним.

Некоторое время (восемь недель) отсиживался в спасительном Новгороде, потом, собрав толпы бродяг, пограбил северные волости, пошёл к Костроме, и «поиде с Костромы со многими силами, а князь великий противу и сретошася

в Ярославской отчине у Козьмы и Дамиана на Которосли Генв. 6 (1435), и поможе Бог Великому князю». С какими многими силами пришёл Юрьевич с Костромы? Если с толпами бродяг, то возникает образ народного вождя.

Потерпев поражение под Ярославлем, Василий Косой бежал к Вологде, где разбил посланных в погоню за ним воевод и пленил их. После этого пришёл на Устюг, и там, как сообщает Севернорусский летописный свод, его замышляли убить, на рассвете Великого дня, во время заутрени, но его предупредили. Спасаясь, он перебежал по льдинам Сухону на Дымкову сторону города. Кто не поспел за ним, тех устюжане перебили, пленённых бояр великого князя выпустили. Следует сказать: Сухона возле Великого Устюга достаточно широка и, чтобы перебежать через неё по льдинам, надо иметь смелость (мне довелось плыть от Вологды до Устюга на пароходе).

Призвав на помощь вятчан, Василий Косой в том же 1435 году привычно подступил к Костроме. Его войско встало у Ипатьевского монастыря, а московская рать – на другом берегу реки Костромы (в этом месте и ныне существует деревня Шемякино). Взяли мир без битвы, по которому Косой получил Дмитров. Заметим, Василий Тёмный заключал с дядей и его сыновьями десятка два договорных грамот, с клятвенными обещаниями, и все они нарушались с обеих сторон.

Косой пробыл в Дмитрове всего месяц и ушёл в Кострому, где жил «до зимнего пути, а на пути пойде к Галичу, а из Галича к Устюгу... ждал вят-

чан и стоял 9 недель... волости выпустошил». Воевода Глеб Оболенский был убит, иные устюжане были порублены и повешены: так он отомстил за то, что хотели в прежний его приход расправиться с ним самим и побили многих его людей. И снова, собрав силы, пошёл на великого князя, разорвав с ним мир (послал размётные). На сей раз на Москву двинулись не толпы бродяг, а силы действительно внушительные.

Масла в огонь добавило неожиданное коварство великого князя, приказавшего оковать и сослать в Коломну Дмитрия Шемяку, который приехал пригласить Василия Васильевича на свою свадьбу. «Действие столь противное чести не могло быть оправдано подозрением в тайных враждебных умыслах Юрьева сына, ещё не доказанных и весьма сомнительных», – пишет Карамзин. Проще говоря, Василий Васильевич напрасно заподозрил Шемяку в сговоре со старшим братом.

Великий князь в очередной раз встретил Василия Косого под Ростовом, на стороне последнего была и дружина Шемяки. В то же время в полках великого князя находились дружины младшего Юрьевича, Дмитрия Красного, литовского князя Ивана Бабы да ненадёжный союзник Иван можайский, которого мы видим то в одном, то в другом стане. Всюду – корысть и полное пренебрежение узами родства.

Если верить летописцу, вначале стороны договорились о перемирии, Василий Тёмный с непонятной доверчивостью отпустил войско по соседним сёлам, а Косой напал на него врасплох. Тут великий князь якобы проявил не свойственную ему решительность и находчивость, схватил трубу, призывая своих ратников. Вряд ли в столь решающий момент можно было распустить ратников по соседним сёлам в поисках провизии, а если это произошло, то вряд ли войско могло столь моментально изготовиться к бою при внезапном нападении, но летописцу надо восхвалить победившего великого князя.

Василий Косой, намереваясь пленить великого князя, потерпел поражение и сам попал в плен и был ослеплён. «Совершилось злодейство, о коем не слыхали в России со второго-надесят века: Василий дал повеление ослепить сего брата двоюродного», — с горечью отметил Карамзин. Вероятно, отсюда и взялось прозвище Косой. Жестокая расправа над родственником легла тяжким грехом на душу Василия Васильевича, наказанного впоследствии тою же мерой. Доселе изобретательные в коварстве московские князья губили своих соперников князей тверских руками татар, теперь совершился самосуд.

Если борьба за великокняжеский стол между дядей и племянником носила всё же щадящий характер, то распря Юрьевичей с Василием Тёмным достигла крайнего, братоубийственного ожесточения. В длительной схватке сошлись двоюродные братья, внуки Дмитрия Донского.

Об этом печальном походе Василия Косого в архангельской летописи повествует совсем детективный эпизод. Переправившись у Костромы через Волгу, Василий с основными силами двинулся на Нерехту и далее – к Ростову, а 400 вятчан отпустил в судах к Ярославлю, что явилось роковой ошибкой. Великий князь узнал об этом и велел ярославскому князю Александру Фёдоровичу Брюхатому быть под Ярославлем, что тот и выполнил, став у впадения Которосли в Волгу со своей ратной силой.

Вятчане долго поднимались против течения до Ярославля. Не доплыв до города, оставили лодки в устье речки *Тунашмы* (Туношны) и поспешили вслед Василию Юрьевичу пешком, но не поспели к бою. Узнали от бежавших, потерпевших поражение ратников, что князь пленён, после чего повернули вниз по Которосли. Встречный монах рассказал, что ярославцы стоят в устье реки, там – и шатёр князя Александра.

Было раннее, очень мглистое утро, когда дерзкие вятчане, подкравшись к шатру, схватили спящих князя и княгиню и «вметалися во Княжие же суды и от берегу отпехнулися на Волгу..., рать же Князь Александрова вся спала и вскакали, начатати хватать доспехи; вятчане же пловучи вниз по Волге со Князем и Княгинею и стоячи над Князем и Княгинею с копья и с топоры и реша: один из вас стрелу стрелит, мы Князя и Княгиню погубим. Князь же нача кликати Ярославцем и Угличаном, чтобы не стреляли».

Переплыв Волгу, вятчане стали требовать от князя *окуп*. Александр вынужден был послать казначея, чтобы тот доставил казну, вятичи забрали её, однако, пренебрегая правилами чести, князя с княгиней не отпустили, а свели в Вятку, в отместку за пленение Василия Косого.

Добавим, что Александр Фёдорович вернулся из вятского плена. Позднее, в 1463 году, при нём была предпринята первая попытка канонизировать Фёдора Чёрного и его сыновей Давида и Константина⁸. В том же году последний ярославский князь скончался: Ярославль окончательно потерял удельный статус, став вотчиной Ивана III.

Василий Юрьевич был осеплён самым зверским средневековым способом: великий князь велел выняти очи своему двоюродному брату. Невозможно представить себе муки несчастно-

го. Свершилось злодейство, неслыханное на Руси с начала двенадцатого века, когда в Киеве тем же зверским образом, с помощью ножа, вынули очи требовльскому князю Васильку Ростиславичу⁹. Этот дикий случай всколыхнул всю южную Русь. Почему же теперь Москва не содрогнулась негодованием? Почему даже просвещённое духовенство не высказало никакого упрёка Василию Васильевичу? Или великому князю московскому всё дозволено? Даже историки лишь упоминают об этом гнуснейшем злодеянии без осуждения. С.Соловьёв, резюмируя расправу над Василием Косым, говорит в оправдание великого князя: «Ожесточённая борьба между князьями по означенному характеру не могшая отличаться мягкостью средств». Всему есть предел: Господь терпелив, но рано или поздно каждому воздаст по заслугам. Василия Юрьевича называли Косым ещё до ослепления, возможно потому, что с рождения имел косоглазие, хотя об этом нигде нет никакого упоминания.

В чудной истории с похищением ярославского князя Александра удивляет беспечность княжеской стражи да и всего войска, спавшего непробудным сном. Для вятичей, как видим, поход оказался удачно-весёлым, а для Василия Косого трагичным. Что же стало с ним? Где он жил, как жил – неизвестно. Нечаянно узнал лишь одну малую деталь: известный ростовский краевед XIX века А.А.Титов, автор очерка о селе Ворже, расположенном на восточном берегу озера Неро, на реке Ворже, упомянул о том, что здесь стоял терем Василия Юрьевича. Видимо, он владел какими-то отцовскими звенигородскими волостями, где и закончил свои смиренные годы. А.Титов так объясняет название села Воржа: мол, крестьяне говорили, если пропала девка, ищи во ржи. Намёк на моральную ущербность князя: историки не жалуют его, так добавим ему ещё один отрицательный штрих.

Искавший великокняжеского стола Василий Косой умер через двенадцать лет после ослепления, в 1448 году, забытый всеми, даже родными братьями. Забыли его и летописцы, не упоминая более о нём ни словом. Детей после него не осталось, хотя женат был на внучке Владимира Андреевича Храброго. Владимир Андреевич, когда умер его сын Андрей, выдал внучку за Василия Косого. Заметим, что Василий Тёмный был женат на другой внучке Владимира Андреевича, Марье Ярославне, которую ему сосватала настойчивая Софья Витовтовна. Кругом – родня: дяди, братья, двоюродные, внуки и внучки.

Василий Косой и сам был жесток. Например, он

велел отсечь руку и ногу своему сподвижнику князю Роману, когда тот попытался бежать от него, а в Великом Устюге учинил расправу над наместником князем Глебом Оболенским и много Устюжан казнил, вешал, секль. По грехам и ответил перед Богом.

МЕЖДУ ОРДОЙ И ЛИТВОЙ

Кроме изнурительной усобицы за великокняжеский стол у Василия Васильевича были не менее важные государственные заботы. Москва ещё не окончательно утвердилась в своём первенстве среди других русских княжеств. Князья тверские и рязанские тоже величались титулом великих, они имели право ездить в Орду (знать Орду, как тогда говорили), в некоторых случаях могли не садиться на коня по призыву московского великого князя и т.п.

Сохранял свою самостоятельность и Новгород, куда великий князь не мог посадить князя *«со своей руки»*. Не получалось и другое: обложить новгородцев подушной чёрной данью, утвердить своих наместников в северных волостях.

В 1440 году осторожный Василий Васильевич ходил к Новгороду, но не вступил в него, довольствуясь только окупом, полученным от новгородцев. С переменным успехом продолжалось подчинение северных волостей, где новгородцы испокон веку чувствовали себя хозяевами. Окончательно утвердиться здесь у Москвы ещё не хватало сил, но и новгородцы с опаской замечали её усиление. Для великого князя более важной являлась непримиримая борьба с Ордой и Литвой.

Событием этого года было рождение Василиева сына Ивана (родился 22 января), которому суждено будет поднять достоинство Руси на уровень царства. Якобы некий старец сказал новгородскому архиепископу: «Днесь Великий Князь торжествует: Господь даровал ему наследника, ознаменованного величием... Слава Москве: Иоанн победит князей и народы. Но горе нашей отчизне: Новгород падёт к ногам Иоанновым и не восстанет». Без сомнения, предсказание это было сочинено гораздо позднее, уже когда Иоанн III покорил вольнолюбивый город.

Литва, занятая своими проблемами с Тевтонским Орденом и Польшей, не очень беспокоила Московскую Русь (но господствовала в обширной Литовской Руси) и после Витовта. Этот могущественный князь, по выражению Карамзина, «был мал телом, но велик душой», не зря претен-

довал на титул короля, владел, как было сказано, большей частью южных русских земель; такая зависимость сохранялась и при Василии Тёмном и осложнялась угрозой распространения латинской веры, о чём будет сказано впереди. Некоторые русские князья сами отдавали себя под опеку великому князю литовскому.

Однако в 1444 году произошла открытая распря между Литвой и Москвой. Василий Васильевич силами двух царевичей татарских и московских полков опустошил города вплоть до Смоленска. В ответ литовцы разорили окрестности Козельска, Калуги, Можайска.

Если взять общее число сражений русских с литовцами и татарами, то оно разделится примерно поровну (больше – с татарами).

Не имея сил действовать на два фронта, Василий Тёмный старался поддерживать мир с Ордой, за что впоследствии и поплатился, обвинённый в дружелюбии к татарам. Не беспокоивший его Махмет в 1437 году был свергнут братом Кичимом (в Орде происходили ещё более жестокие усобицы) и укрылся в России, заняв город Белев. Василий, опасаясь гнева Кичима, приказал Махмету удалиться из города, но тот не подчинился. Тогда великий князь направил к Белеву войско под началом братьев Шемяки и Дмитрия Красного.

Махмет, видя превосходство русских, просил мира, Юрьевичи не соглашались, они не только не смогли изгнать хана, но, при каких-то странных обстоятельствах, были наголову разбиты, имея значительное превосходство силы с их стороны. Паническое бегство русских приписывается действию видения, приснившегося Махмету. С.М. Соловьёв объясняет причину поражения изменой мценского воеводы Григория Протасьева, который, сославшись на приказание великого князя литовского, данником которого был, уклонился от боя и даже сообщил Махмету удобный момент для нападения на русских. За эту измену Протасьев был схвачен великим князем и ослеплён.

Несмотря на победу, Махмет сам ушёл на Волгу и остановился там, где оставались развалины разоренной русскими Казани. Он возродил город, явившись *«истинным первоначальником царства Казанского»*, возникшего на месте бывшей Болгарии.

Набеги татар не прекращались. Больше всего страдала рязанская земля: татары впадали на рязанские украины три года подряд (в 1442, 1444 и 1445 годах). Особо отмечен приход к Рязани царевича Мустафы.

Примечательно, что, повоевав окрестности, он, по причине начавшихся холодов, стал проситься перезимовать в Переяславле Рязанском, и, удивительно, жители пустили в город неприятеля! Однако великий князь московский послал войско и принудил татар выйти в поле, где они, страдавшие от холода, были наголову разбиты, несмотря на то, что разашася крепко, как говорит В.Татищев. Пал в жестоком бою и храбрый царевич Мустафа.

В это же время в Нижний Новгород пришёл казанский царь Улу-Махмет, удачливый герой Белевского сражения. Отныне не столько Большая Орда станет угрожать российским областям, сколько более близкие усилившиеся казанцы.

От Нижнего Улу-Махмет двинулся к Мурому, а великий князь Василий выступил навстречу, сначала во Владимир. В союзе с ним шли родственники: Дмитрий Шемяка, Иван Андреевич можайский, Василий Ярославич боровский и многие князья и воеводы. Передовые полки успешно повоевали несколько городов, и Махмет отступил к Нижнему.

Видимо, посчитав, что опасность миновала, Василий вернулся в Москву, но пришла весть о новом вторжении татар во главе с двумя царевичами, сыновьями Махмета. Василий Васильевич снова выступил навстречу и встал на речке Каменке под Суздалем, у Евфимиева монастыря, где и разыгралась решающая битва. На сей раз здесь мы не видим Дмитрия Шемяку, заинтересованного в поражении великого князя: его дружина не пришла на помощь.

Могло ли быть союзничество с Шемякой надёжным, если ещё осенью 1442 года Василий Васильевич «возверже нелюбие на князя Дмитрия Юрьевича Шемяку и поиде на него ко Угличу и он побеже в Бежецкий Верх новгородский». Опасаясь преследования, Шемяка известил новгородцев о желании жить у них постоянно, те ответили: «Да будет, Князь, твоя воля! Если хочешь к нам, мы тебе рады; если не хочешь, как тебе угодно». Видимо, такой сдержанный приём не удовлетворил его или по какой-то иной причине он не принял приглашение, а объединившись с князем Чарторыйским, дошёл до Троице-Сергиева монастыря, где игумен Зиновий примирил соперников.

В сражении под Суздалем, весной 1445 года, русские потерпели сокрушительное поражение. Сам Василий Васильевич, в первый и последний раз лично участвуя в открытом бою, получил много ранений: с простреленной рукой, с отсечёнными тремя пальцами, с ушибами головы и тела был взят

в плен. И эта страница в жизни князя-неудачника оказалась ещё не самой печальной.

Махмет подступал и к Владимиру, но не решился на приступ, ушёл восвояси вместе с пленённым великим князем, остановившись в местечке Курмыш.

Прервём рассказ о княжеских усобицах, чтобы уделить несколько страниц событию вселенского значения, имевшему место во время княжения Василия Тёмного.

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ СОБОР

В 1440 году завершился знаменитый Флорентийский собор, где решался вопрос о судьбе православия. Следует воздать честь Василию Тёмному за заслугу перед отечеством, вероятно превосходящую ратный успех (в коем не было ему удачи): он встал на защиту нашей веры, когда ей угрожало подчинение католической церкви. Особое давление в этом смысле испытывали области русской Литвы.

Для северо-восточной Руси большое значение имело перенесение митрополичьей кафедры сначала во Владимир (1299 г.), куда митрополит Максим переселился из разорённого татарами Киева, затем – в Москву, что способствовало её возвышению. Отныне русские митрополиты хотя и величались киевскими, но находились в Москве.

В 1431 году скончался сподвижник малолетнего Василия Васильевича митрополит Фотий, и шесть лет церковь наша оставалась без главного пастыря, может быть, потому, что великий князь был занят родственной междоусобицей. Однако как бы местоблюстителем митрополичьей кафедры являлся архиепископ Рязанский, пользовавшийся авторитетом среди иерархов.

Наконец Василий велел собрать архиепископов, чтобы избрать митрополита: им был назван Иона (родом галичанин, из-под Чухломы, но твёрдо державший сторону великого князя Василия). С письмом великого князя Иона был отправлен на поставление в Константинополь.

Патриарх Константинопольский действовал по своим обстоятельствам, которые заключались в том, что ослабевшая под ударами турок Византия заканчивала своё существование. Где искать спасения? Надежда была на христианскую Европу, но цена такого спасения оказалась неподъёмной: Рим настаивал на соединении двух церквей с подчинением православия католичеству. По этим причинам патриарх Константинопольский

Иосиф упредил намерения Москвы, прислав к нам весной 1437 года митрополитом грека Исидора: образованного, хитрого, искусного в богословии. Разумеется, в Москве были недовольны таким назначением и тем, что, к огорчению Ионы, он вынужден был вернуться домой, не доехав до Константинополя, и всё же по прежнему обычаю воля патриарха была превыше всего: в Москве встретили Исидора с честью.

Поставление его на митрополичью кафедру не было случайным. Константинополь, видимо, уже сознавал необходимость уступки первенства Риму на его условиях, поддался на уговоры Папы Евгения соединиться двум церквам, дабы всей Европой противостоять туркам. Для успеха этого плана надо было склонить к признанию догматов католичества и Россию. Достойно внимания, что Исидор ещё до Флорентийского собора посетил Папу Евгения. Вероятно, Исидору было дано поручение подготовить великокняжеское окружение к слиянию православия с католицизмом. «Сей Исидор... измлада учён и воспитан в области Римской и тайно держася ереси латинскии», – пишет В.Татищев.

Император Иоанн Палеолог (женатый на московской княжне Анне) и вселенский патриарх Иосиф отплыли из Константинополя в Италию «с семью стами первейших сановников Греческой церкви, славных учёностью или разумом». Суда прислал Папа Евгений, учитывая бедность константинопольской казны.

Столь же пышным (и неспешным) было путешествие митрополита Исидора в Италию, через Новгород, Псков, Ригу и немецкие города. В свите митрополита находилось сто человек. В Риге многочисленная свита Исидора села на корабль, а двести лошадей отправили в немецкий Любек сушей. Всюду делегацию встречали с большой честью, не случайно Папа Римский Евгений и император терпеливо ожидали её прибытия едва не полгода. Исидор прибыл *«на суемысленный осьмый собор»* в августе 1438 года (в датах, связанных с собором, в разных источниках имеются разночтения).

На соборе, начавшемся в Ферраре, а завершившемся во Флоренции, были долгие прения учёных богословов обеих сторон. Смелее всех против латинской экспансии выступал митрополит ефейский Марко, прямо призывавший признавать семь предыдущих соборов и не признавать сей, восьмой, где предлагалось в православных храмах первым поминать Папу Евгения. Марко заявил резко: «И сего аз трепесчу зело, а осьмый собор не нарицаю (не признаю. – Ю.Б.), и Папы Евгения не поминаю, и заповеди его небрегу» и удалился.

Среди других ораторов-богословов отличился красноречием и московский митрополит, напротив, способствуя успеху собора, что было отмечено в послании Папы Евгения великому князю. Исход прений был предрешен: в присутствии всех европейских монархов торжественно объявили о соединении двух христианских церквей, но с первенством католической и с подчинением патриарха Константинопольского Папе Римскому.

Примечательно, что вселенский патриарх Константинопольский Иосиф скончался через четыре дня после завершения собора: столь велики были его сердечные огорчения и душевное расстройство по причине роковых уступок католикам.

Последнее заседание собора состоялось 6 июля 1439 года. Католики праздновали победу. С амвона торжественно прочли хартию соединения: «Да веселятся небеса и земля! Разрушилось средостение между Восточною и Западною церковью, мир возвратился на краеугольный камень Христа... Да ликует мать наша, Церковь, видя чад своих после долговременного разлучения, вновь совокупленных любовию...»

В.Татищев пишет: «Евгений, папа римский, по соборе своём намного ликовствова в радости согласие с царём Иваном, Маннуиловым сыном, греческим Константинграда, и со всеми митрополиты и епискупы греческими, и со иноки, и со всеми греки: паче же Исидора, митрополита рускаго, намного чествовавшее». Как оказалось, торжество было преждевременным и недолгим.

Митрополит Исидор, получивший от великого князя Василия наказ: «Помни только чистоту нашей веры», напротив, ревностно ратовал на соборе за слияние с католиками и принёс в Москву хартию соединения и звание Легата Апостольского для всех земель северных: русских, литовских, польских, немецких. Этим именем он сразу по возвращении в 1440 году разослал по епархиям своё послание о результатах собора, в котором писал: «Исидор, милостию божьею пресвясченный митрополит киевский и всея Руси, легатос и от ребра апостольского седалисча (престола) ляцкого, и литовского, и немецкого, народом всем и всякому о Христе верному христианству... Возрадуйтеся и возвеселитеся яко церковь восточная греческая с западною римскою церковью ныне истинным соединением соединилась в первоначальное соединение... Молю вас всех в господа нашего Иисуса Христа, иже с нами милость сотворившего, чтоб никакого разделения с римскою у вас не было...» (В.Татищев).

В Москве Исидор вручил великому князю грамоту от Папы. Василия Васильевича сразу насто-

рожило сказанное в ней о том, что успеху Флорентийского собора более других способствовал архипастырь Российский. Воодушевлённый такими похвалами, Исидор принялся действовать слишком откровенно, обнаружив свои симпатии к латинству. При первом же появлении в Успенском соборе Исидор повёл обряд по католическому уставу. Когда перед ним несли крест латинский, когда в литургии вместо вселенских патриархов он упомянул Папу Евгения, а дьякон прочитал грамоту Флорентийского собора, все были изумлены такой новостью, но ошеломлённо молчали, не смея возразить митрополиту.

И тут высказал негодование сам великий князь Василий, назвавший Исидора лжепастырем, еретиком. На другой день, посоветовавшись с архиепископами, Василий повелел взять митрополита под стражу в Чудов монастырь. Опальный митрополит всё же сумел бежать и добрался до Рима, что не осталось без последствий, ибо при содействии Исидора в Киев был поставлен Римом особый митрополит для южной России Григорий, ученик Исидора. Архипастыри Московской Руси отказались подчиняться ему и даже предали анафеме.

Добавим, что Исидор, получивший от Папы звание кардинала, в горестные для всего православного мира дни падения Византии находился в Константинополе, где был пленён Магометом, но снова сумел бежать (как прежде из Москвы) и умер в Риме.

Архиепископы благодарили великого князя за спасение Веры. После этого на Руси несколько лет не было духовного пастыря, а в 1448 году наши святители своим Собором, не дожидаясь решения вселенского патриарха, избрали митрополитом Иону. Испытывая стремление католического Рима утвердить превосходство над православной церковью, Россия добивалась поставления митрополитов не патриархом Константинопольским, а собором своих святителей, с тем чтобы получить в этом важном вопросе самостоятельность русской православной церкви. Обстоятельства способствовали тому, ибо через пятнадцать лет Константинополь пал под натиском турок, Византийская империя прекратила своё существование. Обещанной помощи от Европы не последовало.

Отвергнутый Москвой акт соединения церквей С.М.Соловьёв определил как «одно из тех великих решений, которые на многие века вперёд определяют судьбы народов».

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ ДМИТРИЯ КРАСНОГО

Под Белевом имело свои последствия для героев нашей драмы. Русское войско, состоявшее из московских, тверских, рязанских и других полков, много превосходило татарское: не зря же Махмет сразу просил мира, даже предлагал в залог своего сына. Дело осложнилось не только предательством Григория Протасьева, подданного Литвы, указавшего Махмету время, удобное для нападения на стан русских, которые почемуто панически бросились бежать. Монголы секли и топтали убегавших, так что «войско великокняжеское исчезло как дым».

Не меньшей причиной поражения явилась бездарность назначенных воевод, Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного. Может быть, они умышленно не проявляли усердия, желая ослабить могущество великого князя? После расправы с их старшим братом никакого чувства к нему, кроме мести, они не могли питать: вспомним, что Шемяка не раз не приходил на помощь Василию Васильевичу.

Далее заметен летописный пробел в жизнеописании Юрьевичей. Потеряв доверие к полководцам-родственникам, а может быть, и заподозрив их в преступном нерадении, Василий, вероятно, принял какие-то меры наказания для них. Младшего брата, Дмитрия Красного, мы видим уже на смертном одре в своём Галиче, а Дмитрий Шемяка¹⁰ находится под бдительным наблюдением великого князя в Угличе и выедет оттуда в связи со смертью брата. В примечаниях Карамзина есть важная догадка: «Кажется, что Юрьевичи имели перед сим войну с Великим Князем, но в летописях нет о том ни слова».

Дмитрий Красный, принимавший доселе менее активное участие в борьбе против Василия, вполне мог в какой-то распре склониться на сторону беспокойного брата, Дмитрия Шемяки. Но теперь дни галичского князя были сочтены, хотя ему не исполнилось и сорока лет. Заметим, что смерть участников этой исторической драмы нередко наступала преждевременно, а то и внезапно.

Летописец подробно описывает загадочную смерть младшего Юрьевича, которого ближние любили за красоту и прозвали Красным. Неожиданно он оглох и почувствовал резкую боль внутри: «...преже бо глухота в нём бысть и болячка в нём движется». Уже священник со причастием ожидал в сенях, однако князь не мог принять причастие, потому что началось обильное кровотечение из носа, «яко прутки техачу». Когда оно

несколько унялось, духовник Дмитрия иеромонах Осия заткнул ему ноздри бумажкой.

После этого князь встал, причастился. «Посеем же паки покуша от ух и мясные и рыбные и вина чашку испи. И рече своим: «Выступите вон, дадите мне упокой, заснути ми ся хосчет».

Ближние, заметив, что больной начал потеть, «мняше кровь ту за пот», обнадежились, дескать, дело пошло на поправку, и даже собрались у одного из них, чтобы пить за выздоровление князя. И тут прибежали с вестью: князь отходит. Едва успели вернуться к умирающему, как он испустил дух, «Осия же загнете ему очи и покры его...».

Бояре выпили мёду, помянув усопшего, и легли спать в той же горнице, как вдруг князь Дмитрий скинул одеяло и громко произнёс богородичный стих. Дьякон Дементий, первым увидевший это, от страха оцепенел, и всех охватил ужас. Князь продолжал петь стихиры с закрытыми глазами.

Утром духовник Осия принёс повторное причастие, когда коснулся лжицей уст больного, тот открыл глаза и произнёс: «Радуйся утробо Божественнаго воплощения». Ещё два дня произносил слова от Писания и пел стихи, но никого не слышал. На третий день, в среду, у него отнялась речь, а 22 сентября 1440 года Дмитрий Красный скончался.

Восемь дней гроб с телом покойного стоял в церкви святого Леонтия в ожидании приезда Дмитриева брата Шемяки. Затем умершего князя положили в колоду, обернули полостями и осмолили, перед тем как повезти в Москву. Дорога дальняя, по осенней распутице (В.Татищев сообщает, что в пути повозку дважды опрокидывало), только 14 октября процессия прибыла к Архангельскому собору. Колоду вскрыли, «мняше толико кости обрести и открывши видеша его всего цела суща ничем же невредима... лице же его бело яко у спящего не имея черности и синеты».

Дальше начинаются вопросы. Почему спустя 22 дня после кончины и долгой дороги покойник оказался как живой спящий? А родственники думали увидеть в колоде только кости. Вряд ли красавец князь был худ телом, если принять во внимание, что дед его, Дмитрий Донской, был тучным. В то же время жена его Евдокия скрывала свою худощавость, для чего часто надевала на себя несколько платьев. К сожалению, в скупых северных летописях (определение С.Соловьёва) почти нет портретов исторических деятелей и описание внешности Дмитрия Донского, приведённое в начале, – редкое исключение. Летописцы сосредотачивались на хронике событий, прежде всего военных.

Если Дмитрий Красный красавец, то, надо полагать, и Василий Косой и Шемяка были недурны, однако летописи ни словом не обмолвились об их внешности, подчёркивая лишь отрицательные черты характера: жестокость, коварство, несправедливость в судных делах и т.п. Между тем романисты, домысливая по своему разумению, рисуют детали: «У Дмитрия Шемяки глаза маленькие, глубоко утопленные, но острые, зоркие... Он (Василий Васильевич. - **Ю.Б.**) хорошо помнил, какой тяжёлый взгляд у Шемяки - столь тяжёлый и подавляющий, что каждый раз становится от него не по себе... У Василия Косого - неподвижно-тёмные и чуть раскосые (глаза), за что он и прозвание своё получил». К сожалению, не знаем, какие были у них глаза. Понятно одно, коли исторически персонажи отрицательные, значит, ничего привлекательного в них не должно быть.

Кстати, тот же писатель объяснил происхождение прозвища Шемяка татарским словом чимяху – нарядный, потому что якобы Дмитрий любил нарядную одежду. Предположение допустимое, если иметь в виду привычку его матери Евдокии красиво одеваться.

Ещё в 1995 году в «Литературной России» была опубликована статья Александра Авдеева «Преступление в Галиче», в которой автор, исследуя историю болезни Дмитрия Красного, сделал утвердительный вывод о насильственной смерти путём отравления мышьяком. Он перечисляет его симптомы:

- внезапное ухудшение состояния,
- сильные боли,
- потеря сна и аппетита,
- обильное носовое кровотечение,
- кровавый пот,
- периодические потери сознания,
- помутнение сознания и бред,
- летальный исход.

Всё это подтверждается историей течения болезни князя. К этому надо добавить, что Дмитрий Красный был самым младшим из братьев и нигде не сказано о его недомоганиях прежде.

Оппонируя сам себе, А.Авдеев говорит о недолгожительстве потомков Александра Невского и исчисляет их среднюю продолжительность жизни 44 годами. Справедливости ради, скажем, что вообще век людей того времени был короток, если учесть тяжелейшие условия жизни. Наблюдая междоусобицу галицких князей и Василия Тёмного, мы видим непрестанные походы, битвы, пожары, моровые поветрия, разорительные набеги. Видим и жестокие расправы, заставлявшие людей жить в постоянной опасности, в мучи-

тельных бессонницах и т.п. Если князья расправлялись друг с другом столь зверски, то жизнь простых смертных вообще не ценилась в грош.

С версией об отравлении молодого галичского князя следует согласиться, хотя современники тех коварных событий не заметили признаков насильственной смерти. Почему? Вероятно, по причине того, что на Руси мышьяк только входил в арсенал тихих средств убиения вместо привычного кинжала.

При умирающем князе ни разу не упоминается княгиня, значит, он не был женат, по крайней мере детей у него не имелось, почему и наследовал Галич Шемяка.

Теперь – главный вопрос: кому было выгодно устранить Дмитрия Красного, кто заказал это устранение? А.Авдеев пришёл к выводу: в тихом убийстве был заинтересован Дмитрий Шемяка, дабы завладеть Галичским княжеством и усилить свои позиции в борьбе с Василием Тёмным. Предположение смелое, но так ли верное? Мне думается, Шемяка и без столь крайних средств мог склонить к союзничеству родного брата, а такое заединство, безусловно, было выгодно для него.

Не вероятнее ли подозревать заказчика преступления в лице великого князя, решившего любыми средствами подчинить себе мятежный Галич с его обширными волостями? Ведь именно по его распоряжению был отравлен впоследствии сам Дмитрий Шемяка. И не Василий ли Тёмный первый ослепил сначала боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского, потом Василия Косого, а позднее – и воеводу Григория Протасьева.

Что касается Дмитрия Красного, его роль в этой междоусобице менее активна и заметна, что объясняется не только свойством характера: он младший из братьев, но должен сознавать: рано или поздно Василий московский станет преследовать и его. В силу родства он определённо держал сторону отца и братьев, например, в битве под Ростовом действовал союзно с ними, готов был вместе с Шемякой преследовать Василия Васильевича, когда тот скрывался в Нижнем, намереваясь бежать в Орду.

После победы над двоюродными братьями властолюбие Василия Тёмного более и более возрастало, считал Карамзин. Своего верного союзника, Василия Ярославича боровского, тоже родственника, внука Владимира Андреевича Храброго, женатого на сестре Василия, он непонятно за что оковал и сослал в Углич, где тот и скончался. А ведь Василий боровский оказал ему много услуг, всегда был его сторонником. Может

быть, перемена во взаимоотношениях произошла, когда князь боровский женился второй раз? При попытке освободить его подосланные люди были схвачены и подвергнуты самой свирепой расправе: по указанию Василия некоторым отсекли руки и головы, другим отрезали носы, били кнутом, переняв это наказание у татар. Действительно, история не роман и мир не сад, где всё должно быть приятно.

Надо сказать, что все участники этой последней междоусобной схватки, и Василий Тёмный, и Юрьевичи, исключая Красного, были людьми жестокими, готовыми в борьбе за власть прибегнуть к любым средствам. Победа Москвы, конечно, была предрешена её центральным положением среди других княжеств и предшествующей ролью в собирании земель будущего Государства Российского. Ведь никому из русских князей того времени не удавалось поднять на борьбу с Ордой все княжества, кроме московского князя Дмитрия Донского.

Из всех галичских князей законным претендентом на великокняжеский стол являлся Юрий Дмитриевич, и, кто знает, как пошло бы его правление, если бы не внезапная смерть, ничем не объяснённая. Удалось бы укрепиться в Москве, и, возможно, он сподобился бы летописной хвалы. В любом случае процесс объединения княжеств в единое государство уже нельзя было остановить.

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первым редактором «Отечественных записок» (1839 – 1884) считают А.А.Краевского, но создателем и издателем этого известного журнала был П.П.Свиньин, который задолго до 1839 года публиковал в нём исторические статьи и документы. Перед своей кончиной П.Свиньин продал право на издание «Отечественных записок» А.Краевскому.

П.Свиньин служил в Министерстве иностранных дел и много путешествовал, ему принадлежат очерки о путешествиях по Америке и Европе, «Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей», «Археологические путешествия по России в 1826 году» и др. Он известен как собиратель древних рукописей, монет, скульптур и иных исторических ценностей, создавший соответствующий «Русский музеум». Просветительская деятельность П.Свиньина была многогранной, как художник, он сам иллюстрировал свои этнографические очерки.

² Юрий Долгорукий любил широко попировать, имел характер властолюбивый, что было причиной его длитель-

ных притязаний на Киевский престол, интриг и кровопролития в южной Руси. Не случайно по смерти великого князя ненавидевшие его киевляне разграбили княжеский дворец и загородный дом и расправились с суздальцами, окружавшими князя. А сын его Андрей ещё раньше без разрешения отца удалился в родовой Суздаль, подальше от «театра алчного властолюбия, злодейств, грабительств, междоусобного кровопролития» (Карамзин).

Вместе с тем Юрий Долгорукий известен как основатель многих городов северной Руси: кроме Москвы, это Юрьев Польский, Дмитров, Переславль-Залесский, Галич, Кострома и др. При нём освоение северной Руси продвинулось из густонаселённого междуречья Оки и Волги в глубь заволжских лесов.

3 Похвальное слово Дмитрию Донскому является одним из значительных памятников древней русской литературы, свидетельствующих о красноречии того времени. Вот с какой трогательной поэтической выразительностью сказано о причитаниях Евдокии над умершим супругом: «Оба жили единою душою в двух телах; оба жили единою добродетелию, как златоперистый голубь и сладкоглаголиевая ластовица... Видя же его мёртвого на одре, княгиня горько восплакала, проливая слёзы огненные; глас её как утреннее шептание ластовицы, как органы сладкозвучные. Так вещает горестная: «Зашёл свет очей моих; погибло сокровище моей жизни! Где ты, бесценный? Почто не ответствуешь супруге?... Цвет прекрасный! для чего увядаешь столь рано? Уже ты не дашь плода моему сердцу, ни сладости душе моей! Воззри, воззри на меня, обратися на меня на одре своём, примолви слово!.. Царь мой милый! как обниму тебя? Как послужу тебе?.. Где честь твоя и слава? Был Государем всей земли Русской: ныне мёртв и ничем не владеешь. Победитель народов побеждён смертию!.. Ах, если бы Господь услышал молитву мою! Молися и ты за свою Княгиню, да умру с тобою, быв неразлучна с тобою в жизни! Ах, недолго я радовалась моим другом! За веселье пришли слёзы, за утехи скорбь несносная! Почто я родилася, или почто не умерла прежде тебя?.. Не слышишь жалких речей моих, не умиляешься моим слезам горьким. Крепко уснул Царь мой, не могу разбудить тебя!» и так далее. Разумеется, слова эти принадлежат не самой Евдокии, а сочинителю, владевшему искусством слова.

Добавим, что жена Донского была дочерью Дмитрия Константиновича суздальского, тоже внука Калиты.

⁴ Город Сарай построен Батыем в 60 километрах от Астрахани, на берегу Ахтубы. Монах-католик Иоанн Карпин, посланный Папой Римским к Батыю, так описывает могущество этого владыки: «Батый живёт на берегу Волги, имеет пышный великолепный двор и 600 тысяч воинов, 150 тысяч татар и 450 тысяч иноплеменников, христиан и других подданных». Как видим, большую часть ханского войска составляли не сами татары, а покорённые или добровольно перешедшие на их сторону.

⁵ Опытный полководец Едигей много досадил и Руси, и Литве. Когда сын Тохтамыша сместил его с трона Капчакской Орды (в Сарае), он отступил в Причерноморье и оттуда совершил последний разорительный поход на Киев, после чего город пришёл в полное запустение.

На склоне лет, занятый уже другими мыслями, почтенный старец обратился к Витовту, вероятно с искренним посланием. Оно написано по-восточному образным языком, и потому эти строки стоит прочесть: «Князь знаменитый! В трудах и подвигах честолюбия застала нас обоих унылая старость: посвятим миру остаток жизни. Кровь пролиянная в битвах взаимной ненависти уже поглощена землёю; слова бранные, коими мы друг друга огорчали, развеяны ветром; пламя войны очистило сердца наши от злобы; вода угасила пламя».

После этого Едигей жил недолго: погиб в междоусобной борьбе, гораздо раньше Витовтовой кончины. Память об этом знаменитом эмире сохранилась в героическом эпосе тюркских народов «Едигей».

⁶ По завещанию Дмитрия Донского Углич достался его сыну Петру, умершему в 1428 году. После него угличский удел перешёл к младшему сыну Донского Константину, к которому и отъехал вначале Иван Всеволожский. После Константина (умер в 1433 году) и после смерти Юрия Дмитриевича Углич получил Дмитрий Шемяка, за поддержку Василия Тёмного в его противостоянии с Василием Косым.

⁷ Вятчане (вятичи) – выходцы из земли новгородской. Поднимались вверх по течению реки Вятки, взяли черемисский город Кошкаров и основали новый возле впадения речки Хлыновицы – Хлынов (Вятка).

⁸ Фёдор Чёрный умер в 1299 году монахом и схимником, что было в обычае тогдашних князей. На гробе его якобы происходили чудесные исцеления. Александр Фёдорович перед своей кончиной поместил мощи Фёдора Чёрного и его сыновей в каменную раку в церкви Св. Спаса, предприняв сомнительную попытку канонизировать их. Фёдор Ростиславич долгое время находился на службе у хана, более того, женился на его дочери и получил ярлык на Ярославское княжество, но ярославцы возмути-

лись и не пустили князя в город. Он вернулся с большим отрядом татар и силой сел на Ярославский престол. Однако со второй попытки Фёдор Чёрный и его сыновья были канонизированы в 1467 году.

У меня хранится латунная медаль, на которой изображены Фёдор Чёрный и его сыновья, Давид и Константин, изготовленная к 600-летию со дня смерти ярославского князя: внизу – даты, 1299 – 1899.

⁹ При великом князе киевском Святополке Изяславиче (1093 – 1112) едва успели русские князья на съезде в Любече заключить договорённость прекратить всякую рознь и междоусобие, как в Киеве по наговору Давида Игоревича (двоюродного со Святополком) совершилось упомянутое злодейство над Васильком Теребовльским. Другие двоюродные братья (Владимир Всеволодович Мономах, Олег и Давид Святославичи) ужаснулись и возмутились, решив наказать преступников. Мономах писал к братьям: «Прекратим зло вначале, накажем изверга, который посрамил отечество и дал нож брату на брата; или кровь ещё более польётся, и мы все обратимся в убийц, земля Русская погибнет; варвары овладеют ею».

¹⁰ Смерть Дмитрия Красного примирила великого князя с Шемякой ненадолго. Уже в 1441 году Василий Тёмный двинулся к Угличу, а Шемяка, бежавший в Новгород, подступил к Москве, но дело снова кончилось миром.

Юрий Серафимович БОРОДКИН

родился в 1937 г. в Нижнем Новгороде. Окончил Литературный институт. Автор книг прозы: «Ветры над яром» (1966), «Рябиновые бусы» (1968),

«Запретная любовь» (1971), «Каменная грива» (1972), «Ночлег в Журавлихе» (1973), «Санькино лето» (1976), «Запах вербы» (1986), «Земля заветная» (1987), «Поклонись роднику» (1989) и мн. др. Его роман «Кологривский волок»

Его роман «Кологривский волок»

отмечен первой премией ВЦСПС и Союза писателей СССР. Более двадцати лет возглавлял

Ярославскую областную писательскую организацию. Дважды выходили его «Избранные произведения». Избран членом Высшего творческого совета Союза писателей России. Живет в Ярославле.

